

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

«Борьба «верхов» в первые годы правления Александра III (1881-1882 гг.)»

Выпускная квалификационная работа

по направлению подготовки 46.03.01– *История*

образовательная программа бакалавриата *История*

профиль: *Отечественная история*

Выполнил:

обучающийся 4 курса

Колбашкин Евгений Павлович

Научный руководитель:

д.и.н., профессор

Брачев Виктор Степанович

Санкт-Петербург

2018

Оглавление.

Введение.....	3
Глава 1. Первый этап борьбы в «верхах» (март – апрель 1881 г.) «Взлет» и «падение» М.Т. Лорис-Меликова.....	15
§1. Обострение внутренней обстановки. Программа реформ М.Т. Лорис-Меликова. Вступление на престол Александра III.....	15
§ 2. Заседание Совета министров 8 марта 1881 г. и его итоги.....	25
§3. Борьба за влияние в «верхах» после 8 марта 1881 г. Манифест 29 апреля 1881 г. и отставка «либеральных» министров.....	40
Глава 2. Правительственная борьба в период пребывания Н.П. Игнатьева на посту министра внутренних дел (май 1881 – май 1882 гг.).....	62
§ 1. «Возвышение» Н.П. Игнатьева в марте-апреле 1881 г.....	62
§ 2. Положение Н.П. Игнатьева в сановной среде в мае 1881 г. – феврале 1882 г.....	75
§ 3. Проект созыва Земского собора. Увольнение Н.П. Игнатьева с поста министра внутренних дел.....	85
Заключение.....	100
Список использованных источников и литературы.....	108

Введение.

К концу правления императора Александра II Россия находилась в остром экономическом и политическом кризисе¹. Власть оказалась почти неспособной эффективно управлять охваченной террором страной. Императора личные дела постепенно начинали интересовать куда больше государственных, в то время как в стране не было четкой программы выхода из кризисной ситуации. В обществе установилась тревожная атмосфера, которая еще сильнее накалилась в связи с убийством Александра II 1 марта 1881 г. На престол взошел новый император – Александр III, правление которого во многом должно было определить дальнейшую судьбу Российской империи. Перед новым царем стояла важнейшая задача выбора пути развития государства: продолжить курс своего отца, в котором в конце 70-х – начале 80-х гг. XIX в. вновь возобладала установка на проведение реформ, или же встать на более консервативные позиции. На выбор Александра III существенным образом должна была повлиять борьба в бюрократических «верхах», активно развернувшаяся в первые годы его правления.

Данная работа посвящена изучению важнейших аспектов борьбы в «верхах» в первые годы царствования императора Александра III. Временные рамки рассматриваемого периода определены промежутком от 1 марта 1881 г. – даты вступления предпоследнего российского императора на престол – до 30 мая 1882 г. – увольнения Н.П. Игнатьева с поста министра внутренних дел и начала активного перехода к консервативной политике. Именно на промежуток от 1 марта 1881 г. до 30 мая 1882 г. приходится важнейшая фаза борьбы в высшей бюрократической среде за политическое влияние, одной из особенностей которой было появление «либеральных» проектов преобразований, способных изменить политическую конфигурацию сил в Российской империи. Помимо данного периода, на который обращено

¹ Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870 - 1880-х гг. М., 1964. С. 7.

основное внимание, делается также попытка кратко рассмотреть основные события 1880 – начала 1881 гг., что поможет лучше понять предпосылки развернувшейся борьбы в «верхах» в первые годы правления Александра III.

Осмысление последних десятилетий существования Российской империи крайне важно для того, чтобы понять причины ее крушения в 1917 г. – события, задавшего вектор развития России на долгие годы. В этом контексте весьма актуальным выглядит обращение именно к первым годам царствования Александра III – времени активного противостояния в среде высшей бюрократии, исход которого значительным образом повлиял на формирование политического курса государства в конце XIX – начале XX вв.

Цель исследования – изучить ход борьбы в «верхах» в указанный период, выявить ее основные этапы, причины, основные особенности. Определить влияние ее исхода на дальнейший внутривластный курс страны.

Задачи исследования – выяснить позицию императора касательно «либеральных» проектов М.Т. Лорис-Меликова и Н.П. Игнатьева, определить конфигурацию соперничающих сторон для каждого из этапов борьбы, выявить тактику действий и причины поражения «либеральной партии» на первом этапе и Н.П. Игнатьева на втором этапе борьбы «верхов», определить степень влияния на императора и роль в правительственном соперничестве К.П. Победоносцева.

Объект исследования – борьба за политическое влияние в среде высшей бюрократии в марте 1881 – мае 1882 гг.

Предмет исследования – расстановка сил в «верхах» в марте 1881 г. – мае 1882 г., ход правительственного противостояния, влияние проектов преобразований и действий главных участников борьбы на ее исход.

В методологию исследования легли принципы историзма, научности и объективности познания. Среди примененных методов историко-критический, историко-сравнительный, а также такие общенаучные методы, как описание, сопоставление, анализ, объяснение, сравнение, интерпретация.

В связи со спецификой работы, а именно ее направленностью на исследование борьбы за политическое влияние в высшей бюрократической среде, важнейшую роль для нас играло обращение к источникам личного происхождения, которые позволяют понять действительные мотивы, образ действий, особенности тактики участников правительственного противостояния, о которых зачастую молчат материалы официального делопроизводства. Среди источников личного происхождения, использованных в нашем исследовании, нужно выделить дневники и воспоминания, а также эпистолярные материалы – частные письма. На характеристике наиболее важных из них, на наш взгляд, стоит остановиться подробнее.

Огромный интерес для нашего исследования представляет собой дневник Е.А. Перетца, занимавшего в 1878-1883 гг. должность государственного секретаря Российской империи. Исходной точкой дневника Перетца является 28 сентября 1880 г., последняя запись датируется 31 декабря 1883 г., то есть его записки, фактически, посвящены именно интересующему нас периоду. В дневнике Е.А. Перетца можно найти множество нюансов, связанных с «теневой» политикой, процессами борьбы за политическое влияние среди высших сановников империи. Широкое поле для деятельности исследования представляют подробные изложения Е.А. Перетцом хода основных заседаний представителей двух соперничающих групп сановников, на которых обсуждался проект М. Т. Лорис-Меликова – 8 марта и 21 апреля 1881 г. Особенно внимательно освещено заседание Совета министров 8 марта 1881 г., на котором государственный секретарь присутствовал лично. Не менее интересными выглядят сообщаемые Е.А. Перетцем детали, относящиеся ко времени министерства Н.П. Игнатьева. Однако к оценкам деятельности Н.П. Игнатьева Е.А. Перетцем зачастую надо относиться осторожно – у государственного секретаря с графом были непростые отношения, так что многие оценки являются, на наш взгляд, в высокой степени субъективными. В

целом же, дневник государственного секретаря Е.А. Перетца крайне информативен и является одним из важнейших для нас источников.

Еще одним незаменимым для нашей работы источником является дневник непосредственного участника развернувшейся борьбы в «верхах», сторонника М.Т. Лорис-Меликова военного министра Д.А. Милютина. Записки Милютина позволяют дополнить важными фактами картину борьбы правительственных группировок в марте-апреле 1881 г. Дневник Милютина является одним из наиболее ценных источников, отразивших ход совещания министров в Гатчине 21 апреля, в котором военный министр принимал непосредственное участие. Помимо обилия информации, касающейся интересующей нас темы, значимость сообщаемых Д.А. Милютиным сведений заключается в том, что именно по дневниковым записям военного министра мы можем по большей части судить о мыслях и настроениях, царивших в рассматриваемый период в так называемой «либеральной партии», так как ни М.Т. Лорис-Меликова, ни А.А. Абаза не оставили после себя источников, сопоставимых по своей значимости для исследователя с дневником Д.А. Милютина.

Еще один ценный источник – дневник П. А. Валуева. Валуев, занимавший в разные годы различные высокие государственные посты, являлся непосредственным участником или же был близок к деятельности комиссий, созданных в период 1879 – 1881 гг. для регулирования кризисной ситуации, обострившейся в империи в это время. Участвовал Валуев и в заседании Совета министров 8 марта 1881 г., о котором оставил ряд важных свидетельств. В период пребывания Н.П. Игнатьева на посту министра внутренних дел П.А. Валуев отходит от серьезной политической деятельности, тем не менее, в его дневнике можно найти важные сведения и для этого этапа борьбы в «верхах». Так, в частности, у Валуева мы можем найти много интересной информации об интриге Н.П. Игнатьева против министра иностранных дел Н.К. Гирса и о взаимоотношениях графа с М.Д. Скобелевым. Кроме того, интересен дневник П. А. Валуева для нас еще и тем, что его автор

в своих записках дает как личностные характеристики многих государственных деятелей той эпохи, так и оценивает их с точки зрения профессиональной качеств.

О позиции М.Т. Лорис-Меликова в интересующий нас период мы узнаем преимущественно из дневника В.А. Бильбасова, который вел записи со слов министра внутренних дел – однако вся интересующая нас информация в дневнике Бильбасова ограничивается лишь заседанием Совета министров 8 марта 1881 г., причем не отличается обширностью, хоть и содержит ряд нюансов, важных для понимая отношения министра внутренних дел к происходящим событиям.

Значительное место среди источников, использованных в нашем исследовании, занимает дневник А.Ф. Тютчевой (Аксаковой). Он многое может сказать о политических взглядах Н.П. Игнатьева и Александра III. Дается также характеристика взглядов И.С. Аксакова, мужа Тютчевой, активно поддерживавшего идею созыва Земского собора.

Выделим также дневник А.А. Половцова, занимавшего в 1883-1892 гг. пост государственного секретаря. Крайне ценный для понимания многих политических процессов Российской империи, дневник Половцова относится к периоду более позднему, нежели рассматриваемый нами в данной работе. Тем не менее, в нем все равно можно почерпнуть ряд важных сведений о событиях 1881-1882 гг., в частности потому, что А.А. Половцов в связи со своими служебными обязанности часто общался с Н.П. Игнатьевым, который спустя некоторое время после своего увольнения с поста министра внутренних дел стал членом Государственного совета.

Определенный интерес представляет и дневник А.В. Богданович, жены известного генерала и государственного деятеля Е.В. Богдановича. А.В. Богданович была хозяйкой одного из самых крупных светских салонов Санкт-Петербурга, поэтому ее дневник может служить показателем того, какая информация ходила в обществе о тех или иных событий политической жизни.

Безусловно, ключевую роль для нашей работы играет отрывок из воспоминаний Н.П. Игнатьева, касающийся его назначения министром внутренних дел, а также его воспоминания о Земском соборе. Взгляд одного из «главных героев» нашего исследования Н.П. Игнатьева на ход правительственной борьбы, его оценка различных событий, их датировка, описание собственных действий в тех или иных ситуациях – все это, безусловно, вызывает у нас огромный интерес. Однако некоторые исследователи скептически относились к мемуарам Игнатьева, отмечая, что они изобилуют различного рода неточностями и даже выдумками. Предрасположенность графа ко лжи отмечают и многие его современники. Самое известное высказывание на подобную тему, пожалуй, принадлежит Е.М. Феоктистову: «кому в России неизвестна была печальная черта его характера, а именно необузданная, какая-то ненасытная склонность ко лжи? Он лгал вследствие потребности своей природы, лгал, как птица поет, собака лает, лгал на каждом шагу, без малейшей нужды и расчета, даже во вред самому себе»². Тем не менее, многие современные историки склонные пересматривать тот высокий уровень недоверия к воспоминаниям Игнатьева, который существовал раньше у их коллег³. Мы, со своей стороны, конечно, считаем, что к мемуарам Н.П. Игнатьева, как и к любым мемуарам, нужно относиться очень внимательно, но игнорировать их или изначально не доверять находящимся в них сведениям было бы, на наш взгляд, неправильно.

Важными источниками для нашей работы являются также мемуары Е.М. Феоктистова и воспоминания В.П. Мещерского. У Е.М. Феоктистова особый интерес для нас представляет его информация о совещании министров 27 мая 1882 г. по вопросу о Земском соборе, источником которой является один из участников совещания М.Н. Островский. Что касается В.П. Мещерского, то он дает общую характеристику настроений, преобладавших в обществе в

² Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы. 1848-1896. М., 1991. С. 197.

³ Блудова Е.Ю. Мемуары Н.П. Игнатьева как исторический источник. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2007. С. 24-25.

интересующий нас период, приводит ряд, на наш взгляд, интересных оценок деятельности основных действующих лиц борьбы в «верхах» в интересующий нас период, в частности М.Т. Лорис-Меликова и Н.П. Игнатьева. Однако при обращении к мемуарам В.П. Мещерского стоит помнить о его весьма радикальной консервативной ориентации, что наложило определенный отпечаток на его оценки политической жизни страны и ее участников. Необходимо также отметить воспоминания жены К.П. Победоносцева Е.А. Победоносцевой, освещающие в числе прочего и ряд интересных нам событий из политической жизни России.

Еще одна группа источников, представляющая собой не меньшую ценность, чем дневники и мемуары, – это эпистолярные источники. «Этот вид источников имеет, так же как и мемуары, огромное значение для изучения внутренней политики и закулисных ее сторон. Если мемуары дают более систематическое освещение этой политики, нежели письма, обычно посвященные узкому кругу вопросов, то последние излагают события более непосредственно и по самой своей природе обычно не носят апологетического характера. В силу этого эпистолярный источник имеет ряд преимуществ перед мемуарами с точки зрения своей достоверности»⁴.

Нас, безусловно, интересовали письма, связанные с именем К.П. Победоносцева и, прежде всего, относящиеся к 1881 г., хотя нельзя не обратить внимания и на более ранние эпистолярные источники: в них освещаются многие тайные закулисные события, без знания о которых невозможно составить полного представления о событиях противостояния в «верхах» в указанный период. Многие особенности хода борьбы между К.П. Победоносцевым и представителями «либеральной партии», а также собственные его мысли становятся нам известны именно из писем обер-прокурора Синода молодому царю, Е.Ф. Тютчевой, писем Александра III Победоносцеву. Очень важны письма обер-прокурора Синода императору и

⁴ Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870 - 1880-х гг. М., 1964. С. 38.

для понимания его позиции касательно идеи Н.П. Игнатъева о созыве Земского собора.

Очень многое значит для нашего исследования информация, которую можно почерпнуть из переписки И.С. Аксакова с П.Д. Голохвастовым, назначенным чиновником особых поручений при Н.П. Игнатъеве для подготовки проекта Земского собора. Помимо самого проекта, в их переписке обсуждаются многие другие важные моменты, связанные с правительственной борьбой. Интересны подробности поведения Н.П. Игнатъева в апреле-мае 1882 г., нацеленного на попытку добиться от императора утверждения плана созыва Земского собора.

Не центральное, но все равно важное место в нашем исследовании занимают письма Д.А. Милютин М.Т. Лорис-Меликова, а также переписка за 1880-1881 гг. М.Т. Лорис-Меликова с Александром III – наследником, а затем и императором. Эти письма помогают лучше понять специфику личных отношений министра внутренних дел с Д.А. Милютиным и Александром III.

Разумеется, источники личного происхождения не были единственными, к которым мы прибегали в ходе нашего исследования. Очень важно было обратиться также к официальным докладам императору и проектам реформ М.Т. Лорис-Меликова, журналу Особого совещания, созванного для обсуждения предложений министра внутренних дел. Данные источники интересны нам с той точки зрения, что непосредственно демонстрируют собой идеи, вокруг которых развернулась дискуссия и борьба в «верхах». Именно реализации этих проектов добивалась в разное время «либеральная партия», в то время как «консерваторы» старались всеми силами не допустить такого развития событий. Таким образом, анализ ряда положений из указанных проектов выглядит необходимым для лучшего понимания сути соперничества в бюрократической среде в марте-апреле 1881 г.

Безусловно, в контексте борьбы «верхов» в указанный период необходимо учитывать и развернувшуюся во власти и обществе дискуссию касательно первоапрельцев и народолюбцев в целом. Поэтому для нас было

важно обратиться к ряду источников, характеризующих после 1 марта 1881 г. деятельность и намерения организации «Народная воля» и, в частности, пяти ее членов, осужденных за убийство Александра II.

Период правления Александра III вряд ли может считаться одним из самых изученных в российской истории. Однако первые годы в его правлении привлекают историков, возможно, сильнее, чем какой-либо другой из периодов. К сегодняшнему дню существует ряд работ, в которых интересующая нас проблема исследована достаточно подробно.

Прежде всего, в данном контексте стоит упомянуть статью Ю.В. Готье «Борьба правительственных группировок и манифест 29 апреля 1881 г. Она целиком посвящена противостоянию двух влиятельных «партий» сановников в марте-апреле 1881 г., их соперничеству за влияние на нового императора. Данная статья построена на тщательном анализе источников, позволяющем выстроить четкую картину событий в интересующий нас период по рассматриваемой теме. В исследовании не осуществляется глубокий анализ причин и следствий смены правительственного курса весной 1881 г., так как, «не задаваясь стремлением изучить всю политическую конъюнктуру в ее целом, автор ставит перед собой более скромную цель – восстановить самый ход борьбы правительственных группировок в первые два месяца царствования Александра III»⁵. Несмотря на небольшой объем, работа Ю.В. Готье является для нас крайне полезной, так как остается одним из немногих исследований, наиболее полно освещающих ход противостояния двух соперничающих сторон в начале 1881 г.

Особый интерес у нас вызывает труд П.А. Зайончковского «Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х годов», изданный в 1960-е гг. и являющийся крупнейшим исследованием борьбы в «верхах» в первые годы царствования Александра III во второй половине XX в. Как и Ю.В. Готье, П.А. Зайончковский говорит о существовании в первые месяцы весны 1881 г.

⁵ Готье Ю. В. Борьба правительственных группировок и манифест 29 апреля 1881 г. // Исторические записки. М., 1938. Т. 2. С. 240-299.

«либеральной» и «консервативной» «партий», очень подробно описывает их борьбу. Не менее подробно разбирает П.А. Зайончковский в своей работе и правительственную борьбу в период министерства Н.П. Игнатьева. Автором тщательно рассмотрены и проанализированы основные события борьбы, отношение к ним непосредственных их участников и людей, являющихся сторонними наблюдателями. Большое внимание уделяет исследователь политическим взглядам и убеждениям участников событий 1881-1882 гг., приводит отношение общественного мнения к тем или иным идеям и событиям. Для нас также важно было обратить внимание на то, к каким выводам приходит П.А. Зайончковский, так как именно он одним из первых делает попытку их вычленения из общего хода правительственной борьбы, основанную на его анализе.

Еще одной «ключевой» монографией для нашей работы является труд В.А. Томсинова «Конституционный вопрос в России в 60-х – начале 80-х годов XIX в.» В нем автор почти с той же подробностью, как и Ю.В. Готье в своей статье, разбирает тему борьбы «верхов» вокруг инициативы привлечения представителей земств к законосовещательной деятельности. Отличительной чертой исследования В.А. Томсинова является то, что он делает попытку рассмотреть борьбу вокруг проекта М.Т. Лорис-Меликова в общем контексте «конституционного движения» в России в XVIII – XIX вв., что выделяет его работу из других исследований на данную тему. Кроме того, автор старается продемонстрировать «глубинный смысл, который конституционный вопрос приобрел в российской политической жизни начала 80-х годов XIX века»⁶. Все это делает труд В.А. Томсинова весьма ценным для нас в связи с поставленными нами целями. Однако остается лишь только выразить сожаление, что труд автора оканчивается уходом в отставку представителей «либеральной партии», не затрагивая период пребывания на посту министра внутренних дел Н.П. Игнатьева.

⁶ Томсинов В. А. Конституционный вопрос в России в 60-х – начале 80-х годов XIX века. М., 2013. С. 202.

Очень важная для нашего исследования работа И.В. Лукоянова «Н.П. Игнатъев и его воспоминания», в которой делается серьезная попытка проанализировать воспоминания Игнатъева, привлекая для создания полной картины и сведения других источников. Труд И.В. Лукоянова почти полностью посвящен второму этапу борьбы «верхов» в первые годы царствования Александра III – в центре внимания автора «возвышение» Н.П. Игнатъева, его деятельность на посту министра внутренних дел, борьба графа за увеличение собственного политического веса и влияние при дворе. Особо место в труде И.В. Лукоянова занимает очерк о попытке Н.П. Игнатъева созвать Земский собор. Безусловно, данная работа имеет для нашего труда ключевое значение.

Не менее интересен и важен труд М.М. Горинова «Государственная и общественная деятельность графа Н.П. Игнатъева (1879-1908 гг.)». Как видно из названия, работа М.М. Горинова посвящена длительному периоду государственной внутривластной деятельности графа Игнатъева. Однако апогеем в его деятельности, конечно, являются 1881-1882 гг., когда он был министром внутренних дел. Этому небольшому отрезку времени М.М. Горинов уделяет основное внимание. В работе не очень подробно, однако, освещен вопрос о созыве Земского собора, зато автор тщательно исследует деятельность Н.П. Игнатъева на посту министра внутренних дел, рассматривает основные конфликты Игнатъева с другими высшими сановниками.

Вскользь затрагивают тему борьбы в «верхах» в 1881-1882 гг. в своих трудах А.Ю. Полунов, Д.А. Бадалян, В. А. Твардовская и Б.С. Итенберг, Е. П. Толмачев, Ю.А. Сафронова, А.Л. Мясников, К.А. Соловьев и многие другие историки. Однако указанные авторы не ставят перед собой задачи исследовать узкую тему борьбы правительственных группировок в «верхах» в первые годы после вступления Александра III на престол, поэтому их упоминания об этом сюжете носят в большинстве своем эпизодический характер. Тем не менее, нам представлялась достаточно важной возможность ознакомиться с

материалом по интересующей нас проблеме, находящимся в указанных исследованиях, что позволило составить более полную картину хода борьбы в «верхах».

Таким образом, надо отметить, что для изучения данного вопроса нашими предшественниками было сделано достаточно много. Однако все еще остаются не до конца исследованными некоторые вопросы, такие как конфигурация соперничающих сторон в марте-апреле 1881 г., влияние судебного процесса над народовольцами на ход борьбы в «верхах», роль К.П. Победоносцева как в падении «либеральной партии» в 1881 г., так и Н.П. Игнатьева в 1882 г., а также ряд других неизученных моментов. В связи с этим мы предпринимаем попытку обратиться к данной теме и надеемся найти ответы на интересующие нас вопросы.

Глава 1. Первый этап борьбы в «верхах» (март – апрель 1881 г.) «Взлет» и «падение» М.Т. Лорис-Меликова.

§ 1. Обострение внутренней обстановки. Программа реформ М.Т. Лорис-Меликова. Вступление на престол Александра III.

Конец 1870 – начало 1880-х гг. в истории России могут по полному праву называться достаточно беспокойным временем. Трудности в экономике, нестабильность в политической сфере приковывали пристальное внимание правительства, для которого стабилизация внутривнутриполитического положения страны являлась необходимейшей и первоочередной задачей. Очень беспокоил власть рост революционных настроений в обществе, особенно среди студентов, непрекращающиеся террористические акты против государственных служащих высшей и средней руки. «Террор становился основным средством революционной борьбы, а политическое убийство – обыденной реальностью российской жизни...»⁷. В этой ситуации правительством разрабатывается ряд решений, претворение в жизнь которых должно было решить проблему ускоряющейся радикализации российского общества.

Первой мерой было образование в марте 1878 г. специальной комиссии для борьбы с усиливающимся социально-революционным движением – Особого совещания во главе с министром государственных имуществ П.А. Валуевым⁸. Несмотря на то, что по предложению Особого совещания были приняты определенные меры для стабилизации обстановки и борьбы с революционными идеями, «террористическая деятельность народников не уменьшалась»⁹. Окончательно обострило сложившуюся ситуацию очередное неудачное покушение на императора, совершенное 2 апреля 1879 г. А. Соловьевым.

⁷ Барковец О.И., Крылов-Толстикевич А.И. Александр III – царь-мироотворец. СПб., 2007. С. 125.

⁸ Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870 - 1880-х гг. М., 1964. С. 59.

⁹ Там же. С. 83.

После покушения Соловьева императором было созвано совещание высших сановников, где было «решено прибегнуть к новой мере, еще не испытанной: учреждению временных генерал-губернаторств с предоставлением генерал-губернаторам чрезвычайных полномочий. Временных генерал-губернаторов положено назначить в Петербурге, Харькове и Одессе, а предоставленные им права распространить и на генерал-губернаторов в Москве, Киеве и Варшаве»¹⁰. Временные генерал-губернаторы получили достаточно обширные административно-полицейские полномочия, осуществление которых, по замыслу Александра II и его советников, должно было стать эффективной мерой в деле борьбы с терроризмом. Однако и это решение не смогло существенно изменить положение в стране, а также уберечь императора от нового покушения, которое осуществил один из членов «Народной воли» С. Халтурин. Можно согласиться с дореволюционным историком, современником тех событий С.С. Татищевым: «взрыв, произведенный злоумышленниками в самом жилище государя, Зимнем дворце, ясно указывал на недостаточность принятых способов борьбы с крамолой и на настоятельную необходимость принятия мер более целесообразных и действительных»¹¹.

Такой мерой стало учреждение указом Александра II от 12 февраля 1880 г. Верховной распорядительной комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия, начальником которой был назначен харьковский генерал-губернатор граф М.Т. Лорис-Меликов. Комиссия создавалась с четко определенной целью: «положить предел беспрерывно повторяющимся в последнее время покушениям дерзких злоумышленников поколебать в России государственный и общественный порядок»¹². То есть очевидно, что изначально Верховная распорядительная комиссия

¹⁰ Татищев С.С. Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2010. С. 393.

¹¹ Там же. С. 403.

¹² Из указа Александра II Сенату «Об учреждении в С.-Петербурге Верховной Распорядительной Комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия» // Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.) Сборник документов. М., 2001. С. 64.

задумывалась исключительно как орган, наделенный полицейскими полномочиями. При этом важно отметить, что безусловно главную роль в деятельности комиссии играл ее начальник (то есть граф Лорис-Меликов), наделенный чрезвычайными полномочиями, близкими к диктаторским¹³. Остальные же члены комиссии существенной роли в ее деятельности не играли¹⁴.

Мы отметили, что Верховная распорядительная комиссия наделялась в первую очередь полицейскими функциями, а перед ее начальником ставилась задача борьбы с революционным движением. Однако М.Т. Лорис-Меликов видел свою роль несколько иначе¹⁵. На наш взгляд, достаточно точно понимание графом Лорис-Меликовым своих функций выразил П.А. Валуев: «Он, очевидно, не входит в свою роль, а видит перед собой другую – устроителя по всем частям государственного управления»¹⁶. Подтверждение этому находим в докладе самого Лорис-Меликова императору от 11 апреля 1880 г., в котором тот обращает внимание Александра II, что для борьбы с террором недостаточно одних лишь полицейских мер – необходимо также лучше понять истинные причины роста революционных настроений и провести ряд преобразований для их устранения. При этом, по мысли начальника Верховной распорядительной комиссии, важную роль в борьбе за «восстановление потрясенного порядка» должно играть повышение доверия населения к власти¹⁷. Та власть, которой стал располагать граф Лорис-Меликов, совершенно очевидно отводила ему особую роль в управлении страной. Современники стали сравнивать его полномочия с полномочиями западноевропейских премьер-министров, причем подобные представления

¹³ Там же. С. 64-65.

¹⁴ Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870 - 1880-х гг. М., 1964. С. 155.

¹⁵ Томсинов В.А. Конституционный вопрос в России в 60-х – начале 80-х годов XIX века. М., 2013. С. 124. Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870 - 1880-х гг. М., 1964. С. 189.

¹⁶ Дневник графа П.А. Валуева 1877 – 1884 гг. Пг., 1919. С. 67.

¹⁷ Доклад М.Т. Лорис-Меликова Александру II о предполагаемых реформах государственного устройства // Конституционные проекты в России. XVIII – начало XX в. М., 2010. С. 455-457.

были характерны как для представителей бюрократической среды¹⁸, так и для общественного мнения¹⁹.

К лету 1880 г. ситуацию в стране удалось стабилизировать. В связи с этим М.Т. Лорис-Меликов в своем докладе императору от 26 июля 1880 г. высказал предложение о ликвидации Верховной распорядительной комиссии, которая, по словам графа, в целом свои задачи выполнила²⁰. Александр II согласился с М.Т. Лорис-Меликовым и 6 августа 1880 г. издал указ, согласно которому деятельность Верховной распорядительной комиссии прекращалась, а все ее дела передавались в ведение министра внутренних дел. Ему же передавались и все полномочия упраздненного III Отделения С.Е.И.В.К., а также Корпуса жандармов²¹. Новым министром внутренних дел был назначен сам М.Т. Лорис-Меликов. Соглашаясь с П.А. Зайончковским, нужно сказать, что упразднение Верховной распорядительной комиссии и назначение графа Лорис-Меликова на пост министра внутренних дел только увеличило его власть: «Полиция, печать, местная администрация, земство, городские органы управления – все это было подведомственно ему, министру внутренних дел. В действительности же сфера его влияния была еще шире...»²². Такие оценки уровня влияния нового министра внутренних дел можно найти и в свидетельствах современников. Так, например, хорошо осведомленный о положении при дворе государственный секретарь Е.А. Перетц в своем дневнике отмечает, что Лорис-Меликов «теперь почти всемогущий»²³. Примерно таким же положение дел представлялось и людям, далеким от власти²⁴.

Еще сильнее укрепив свои позиции при дворе, Лорис-Меликов продолжил курс на реформирование страны, причем теперь уже более смело,

¹⁸ Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1879 – 1881. М., 2010. С. 159.

¹⁹ Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990. С. 39-40.

²⁰ Итенберг В.С., Твардовская В.А. Граф М.Т. Лорис-Меликов и его современники. М., 2004. С. 144.

²¹ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 55. №61279. С. 529. СПб., 1884.

²² Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870 - 1880-х гг. М., 1964. С. 230.

²³ Дневник Е.А. Перетца (1880-1883). М.-Л., 1927. С. 14.

²⁴ Мещерский В.П. Мои воспоминания. М., 2003. С. 566.

так как сейчас у него для этого имелось больше полномочий, чем раньше²⁵. Программа предполагавшихся реформ наиболее полно выражена в докладе министра внутренних дел о привлечении представителей населения к законосовещательной деятельности, который тот представил Александру II 28 января 1881 г. «Впоследствии этот доклад будут называть «конституцией Лорис-Меликова»²⁶.

«В основу программы М.Т. Лорис-Меликова были положены две главные идеи. Первая – сотрудничество с либеральными кругами общества, перевод их из оппозиции в лагерь союзников по борьбе с революционным движением... Вторая – облегчение положения крестьянства целым рядом мер, что должно было двинуть развитие сельского хозяйства и тем самым, создав условия экономической стабильности, ослабить недовольство деревни, что удержало бы крестьянство от участия в массовом движении»²⁷. Изменения, надлежащие к рассмотрению для решения крестьянского вопроса, не вызывали острой дискуссии в правящих кругах, так как многие из них признавались своевременными и во многом необходимыми для стабилизации положения в деревне. Куда более неоднозначные оценки могла вызвать (а в дальнейшем и вызвала) часть программы Лорис-Меликова, связанная с налаживанием более тесного сотрудничества между властью и обществом.

Такая мера, по мысли министра внутренних дел, должна была быть осуществлена путем привлечения к законосовещательной деятельности выборных представителей от земств и городов²⁸. Причем М.Т. Лорис-Меликов делал особенный акцент на том, что выборные представители населения будут обладать исключительно законосовещательными функциями²⁹. Именно эта мера, как считал граф Лорис-Меликов, «может дать правильный исход заметному стремлению общественных сил к служению престолу и отечеству,

²⁵ Итенберг В.С., Твардовская В.А. Граф М.Т. Лорис-Меликов и его современники. М., 2004. С. 146.

²⁶ Томсинов В.А. Конституционный вопрос в России в 60-х – начале 80-х годов XIX века. М., 2013. С. 141.

²⁷ Власть и реформы: от самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 364.

²⁸ Доклад М.Т. Лорис-Меликова о привлечении представителей населения к законосовещательной деятельности // Конституционные проекты в России. XVIII – начало XX в. М., 2010. С. 468-470.

²⁹ Там же. С. 471.

неминуемо внесет в народную жизнь оживляющее начало и предоставит правительству возможность пользоваться опытностью местных деятелей, ближе стоящих к народной жизни, нежели чиновники центральных управлений»³⁰, а также в целом станет логичным завершением реформ 60-70-х гг. XIX века³¹. Однако в том случае, если его предложение будет проигнорировано, министр внутренних дел рисовал для государства достаточно мрачную перспективу: «Позволяю себе повергнуть пред вами, государь, глубокое мое убеждение, что неудовлетворение приведенным выше ожиданиям в настоящее время будет неминуемо иметь последствием, если не полное охлаждение, то, по меньшей мере, равнодушие к общественному делу, представляющие, как указал прискорбный опыт недавно истекших лет, самую удобную почву для успеха анархической пропаганды»³².

Анализируя доклад министра внутренних дел императору, становится понятно, что именно проект привлечения представителей общества к законосовещательной деятельности М.Т. Лорис-Меликов ставил во главу угла всех своих преобразований. Во многом именно от того, одобрит государь данную меру или нет, зависела возможность выполнения программы преобразований, предложенной министром внутренних дел.

Осведомленный о том, что происходило при дворе, государственный секретарь Е.А. Перетц отметил в своем дневнике, что к предложениям М.Т. Лорис-Меликова Александр II отнесся в целом хорошо³³. Для их обсуждения было созвано Особое совещание во главе с опытным сановником П.А. Валуевым, которое одобрило проект министра внутренних дел, правда, предложив внести в него некоторые поправки³⁴. Главную суть проекта эти поправки, однако, не меняли.

³⁰ Там же. С. 472.

³¹ Там же. С. 467.

³² Там же. С. 472.

³³ Дневник Е.А. Перетца (1880-1883). М.-Л., 1927. С. 22.

³⁴ Журнал Особого совещания, созванного для обсуждения проекта М.Т. Лорис-Меликова // Конституционные проекты в России. XVIII – начало XX в. М., 2010. С. 478-481.

Александр II, ознакомившись с предоставленным ему сообщением доклада в журнале Особого совещания по проекту Лорис-Меликова, поставил на его первой странице резолюцию «исполнить» и «поручил министру внутренних дел составить к 1 марта проект официального правительственного сообщения о подготовке соответствующего закона»³⁵, что и было сделано. 1 марта 1881 г. император передал данное сообщение П.А. Валуеву, который являлся в то время председателем Комитета министров, и попросил его высказать о нем свое мнение и созвать на 4 марта Совет министров для его обсуждения, если сообщение не вызовет у Валуева никаких возражений³⁶. Возражений у председателя Комитета министров не нашлось, и в своей записке императору он выразил мнение, что проект составлен «весьма хорошо», и распорядился созвать Совет министров в обозначенное время³⁷. Однако убийство Александра II внесло изменения в ход дальнейших событий.

Новым императором стал Александр III, и теперь именно от него зависело то, каким путем развития пойдет страна. На повестке дня стоял проект М.Т. Лорис-Меликова, который должен был быть уже рассмотрен при новых обстоятельствах.

Очевидна точность наблюдения Ю.В. Готье: «Положение Лорис-Меликова было, конечно, поколеблено»³⁸ – ведь именно в его задачу входила борьба с террористическим движением, об успешном ходе которой он совсем недавно докладывал Александру II³⁹. Однако министр внутренних дел решил и дальше проводить свою линию реформ, в связи с чем представил 6 марта 1881 г. новому царю доклад о созыве заседания Совета министров⁴⁰, где уже окончательно должна была решиться судьба его предложения о привлечении

³⁵ Томсинов В.А. Конституционный вопрос в России в 60-х – начале 80-х годов XIX века. М., 2013. С. 154.

³⁶ Дневник графа П.А. Валуева 1877 – 1884 гг. Пг., 1919. С. 147.

³⁷ Конституция графа Лорис-Меликова. Материалы для ее истории // 1 марта 1881 г. По неизданным материалам. Пг., 1918. С. 177.

³⁸ Готье Ю.В. Борьба правительственных группировок и манифест 29 апреля 1881 г. // Исторические записки. М., 1938. С. 256.

³⁹ Доклад М.Т. Лорис-Меликова о привлечении представителей населения к законосовещательной деятельности // Конституционные проекты в России. XVIII – начало XX в. М., 2010. С. 466-467.

⁴⁰ Конституция графа Лорис-Меликова. Материалы для ее истории // 1 марта 1881 г. По неизданным материалам. Пг., 1918. С. 177.

представителей земств и городов к законосовещательной деятельности. Александр III одобрил проект совещания, назначив его на 8 марта, что могло создать впечатление, будто новый император не против принятия предложения министра внутренних дел. Тому же могла, на первый взгляд, свидетельствовать заметка нового императора на проекте М.Т. Лорис-Меликова, которая гласила, что «Проект составлен очень хорошо»⁴¹. Однако не все было так однозначно.

Как министр внутренних дел сам мог оценивать свое положение после событий 1 марта? Б.С. Итенберг и В.А. Твардовская считают, что он оказался не готов к произошедшим переменам: «Лорис-Меликов как будто угрозы, нависшей над ним и его планами, не ощущал. По-видимому, всевластие оказало на него расслабляющее воздействие: привыкший к могуществу, считавший себя под защитой своей популярности, веривший в силу и связи либеральной группировки, он явно недооценивал возможности противников и не составил достаточно точного представления о позиции царя»⁴². Мы, однако, не можем согласиться с мнением известных исследователей. М.Т. Лорис-Меликов еще при жизни Александра II опасался, что его серьезному влиянию на государственные дела может прийти конец в случае смены императоров на престоле – об этом он откровенно признался в одном из разговоров с государственным секретарем Е.А. Перетцем⁴³. О шаткости своего положения министр внутренних дел говорил и с В.А. Бильбасовым, причем также еще до гибели Александра II⁴⁴. Так что вряд ли справедливо говорить о недалекновидности графа Лорис-Меликова, будто бы недооценивавшего возможные риски для своего положения при дворе.

А риски действительно существовали. Несмотря на то, что М.Т. Лорис-Меликов старался поддерживать с наследником хорошие отношения (что

⁴¹ Там же.

⁴² Итенберг В.С., Твардовская В.А. Граф М.Т. Лорис-Меликов и его современники. М., 2004. С. 191.

⁴³ Дневник Е.А. Перетца (1880-1883). М.-Л., 1927. С. 14-15.

⁴⁴ Совет министров 8 марта 1881 года. Рассказ графа Лорис-Меликова В.А. Бильбасову // 1 марта 1881 г. По неизданным материалам. Пг., 1918. С. 189.

видно, например, из их переписки с момента назначения графа главным начальником Верховной распорядительной комиссии⁴⁵), нового императора все же окружали совсем другие советники, которым он был склонен доверять. Речь здесь, в первую очередь, об учителе Александра III К.П. Победоносцеве, который имел на своего ученика очень серьезное влияние⁴⁶. Победоносцев был решительным противником конституционных идей и различных форм народного представительства, усматривая в них угрозу существования России⁴⁷. Достаточно предсказуемым было сугубо негативное отношение обер-прокурора Синода к предложениям Лорис-Меликова. Все это должно было заставить министра внутренних дел не чувствовать уверенности в успехе своего проекта, что видно из записи в дневнике, сделанной Д.А. Милютиным: «Слышно, что Победоносцев подал государю какую-то записку; гр. Лорис-Меликов очень опасается тлетворного влияния этого советника царского»⁴⁸.

Очевидно, опасения Милютина появились не на пустом месте. Мы находим им документальное подтверждение, обращаясь, например, к переписке нового императора с обер-прокурором Синода, в частности к письму К.П. Победоносцева императору от 3 марта 1881 г. В нем Победоносцев обращался к своему подопечному со следующими словами: «Простите, ваше величество, что не могу утерпеть и в эти скорбные часы подхожу к вам с своим словом: ради бога, в эти первые дни царствования, которые будут иметь для вас решительное значение, не упускайте случая заявить свою решительную волю, прямо от вас исходящую, чтобы все слышали и знали: «Я так хочу, или я не хочу и не допущу»⁴⁹. Мы осмеливаемся высказать предположение, что, судя по записи в дневнике Д.А. Милютина, ее автор вряд ли был знаком с содержанием письма обер-прокурора Синода

⁴⁵ Переписка Александра III с гр. М.Т. Лорис-Меликовым. (1880-1881 г.г.) // Красный архив. 1925. №8. С. 103-120.

⁴⁶ Готье Ю.В. К.П. Победоносцев и наследник Александр Александрович. 1865-1881 // Тайный правитель России: К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. 1866-1895. Статьи. Очерки. Воспоминания. М., 2001. С. 499-531.

⁴⁷ Павлов Н.В. К.П. Победоносцев о народном представительстве в России // Вестник Российского университета дружбы народов. 2008. №2. С. 12-17.

⁴⁸ Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1879 – 1881. М., 2010. С. 274.

⁴⁹ Письма Победоносцева к Александру III. М., 1926. Т. 1. С. 315.

Александр III, однако общий характер послания ему, видимо, был известен из каких-то собственных источников. Пожалуй, нельзя не согласиться с тем, что «решительная воля», которую, по совету Победоносцева, мог заявить император, вступала бы в противоречие с программой М.Т. Лорис-Меликова.

В письме от 6 марта 1881 г. К.П. Победоносцев уже вполне открыто высказывает свое отношение как к либеральной программе, каковой он считал проект Лорис-Меликова, так и к самому министру внутренних дел: «Если будут вам петь прежние песни сирены о том, что надо успокоиться, надо продолжать в либеральном направлении, надобно уступить так называемому общественному мнению, - о, ради бога, не верьте, ваше величество, не слушайте. Это будет гибель: гибель России и ваша: это ясно для меня, как день... Простите мне мою правду. Не оставляйте графа Лорис-Меликова. Я не верю ему. Он фокусник и может еще играть в двойную игру. Если вы отдадите себя в руки ему, он приведет вас и Россию к гибели. Он умел только проводить либеральные проекты и вел игру внутренней интриги. Но в смысле государственном он сам не знает, чего хочет – что я сам ему высказывал неоднократно. И он – не патриот русский. Берегитесь, ради бога, ваше величество, чтоб он не завладел вашей волей, и не упускайте времени»⁵⁰. Но государь не счел нужным непременно последовать совету своего учителя и не стал принимать никаких решений о смещении с должности министра внутренних дел М.Т. Лорис-Меликова. Вопрос о судьбе проекта министра внутренних дел временно откладывался⁵¹.

⁵⁰ Там же. С. 315-316.

⁵¹ Мясников А.Л. Александр III. М., 2016. С. 303.

§ 2. Заседание Совета министров 8 марта 1881 г. и его итоги.

Для того, чтобы окончательно решить вопрос о проекте Лорис-Меликова, 8 марта 1881 г. императором было созвано заседание Совета министров. Его ход хорошо известен в научной литературе⁵², однако думается, что для лучшего понимания сложившейся ситуации нам тоже стоит на нем остановиться. При его освещении мы будем прежде всего опираться на сведения непосредственных участников совещания. Среди них, пожалуй, наибольшую ценность несет подробное изложение произошедшего государственным секретарем Е.А. Перетцем, который, по его же собственным словам, следил за совещанием с огромным вниманием и изложил все сказанное на нем «почти фотографически верно»⁵³. Весьма информативно о заседании в своем дневнике пишет еще один его участник – Д.А. Милютин, сообщения которого также, на наш взгляд, носят ценный характер. Версии совещания двух, вероятно, главных его участников – М.Т. Лорис-Меликова и К.П. Победоносцева изложены достаточно кратко, тем не менее обращение к ним тоже необходимо. Важно учесть и мнение о произошедшем П.А. Валуева, также оставившим по этому поводу заметки в своем дневнике.

Говоря об участниках заседания, Е.А. Перетц пишет: «Кроме министров, председателей департаментов Государственного Совета... прибыли великие князья Владимир Александрович, Константин Николаевич и Михаил Николаевич и граф С.Г. Строганов»⁵⁴. Особый интерес представляет присутствие на заседании престарелого графа Строганова. Истинной причиной решения государя о приглашении Строганова стала просьба о том К.П. Победоносцева, которую он высказал в письме императору от 6 марта:

⁵² См. например: Готье Ю. В. Борьба правительственных группировок и манифест 29 апреля 1881 г. // Исторические записки. М., 1938. С. 262-270. Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870 - 1880-х гг. М., 1964. С. 325-331. Итенберг В.С., Твардовская В.А. Граф М.Т. Лорис-Меликов и его современники. М., 2004. С. 194-197. Мясников А.Л. Александр III. М., 2016. С. 303-310. Томсинов В. А. Конституционный вопрос в России в 60-х – начале 80-х годов XIX века. М., 2013. С. 159-167.

⁵³ Дневник Е. А. Перетца (1880-1883). М.-Л., 1927. С. 46.

⁵⁴ Там же. С. 31.

«Позовите к себе старика С. Гр. Строганова: он человек правды, старый слуга ваших предков, свидетель и деятель великих исторических событий. Он на краю гроба, но голова его свежа, и сердце его русское. Нет другого человека в России, с кем было бы благоприятнее вам иметь совет в эту страшную минуту»⁵⁵. С С.Г. Строгановым К.П. Победоносцев был давно и хорошо знаком – еще в 1861 г. Строганов в качестве попечителя наследника (тогда еще Николая Александровича) пригласил Победоносцева преподавать ему право⁵⁶. В лице С.Г. Строганова обер-прокурор Синода планировал приобрести себе союзника, что и подтвердили дальнейшие события.

«Первоначально казалось, что заседание наше будет одной формальностью, так как дело получило уже высочайшее одобрение как почившего царя, так и ныне царствующего Государя, председательствовавшего в секретной комиссии и подписавшего ее заключение»⁵⁷, - пишет Д.А. Милютин в своем дневнике. Однако так не считал новый император, который, по свидетельству Е.А. Перетца, сказал участникам совещания следующее: «Предваряю вас, что вопрос не следует считать предрешенным, так как и покойный батюшка хотел... созвать для рассмотрения его Совет Министров»⁵⁸.

Заседание началось с просьбы императора к М.Т. Лорис-Меликову прочитать записку предлагаемого им проекта. Министр внутренних дел выполнил это поручение, совершив тем самым серьезную ошибку: «Записка, прочитанная Лорисом, была составлена еще до катастрофы 1 марта; в начале ее говорилось об успехах, достигнутых примирительной политикой последнего времени»⁵⁹. И действительно, в основу сообщения министра внутренних дел лег проект правительственного сообщения, составленный еще до смерти Александра II⁶⁰. Убийство Александра II народолюбцами в

⁵⁵ Письма Победоносцева к Александру III. М., 1926. Т. 1. С. 318.

⁵⁶ Полунов А.Ю. Победоносцев. Русский Торквемада. М., 2017. С. 95-96.

⁵⁷ Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1879 – 1881. М., 2010. С. 280-281.

⁵⁸ Дневник Е. А. Перетца (1880-1883). М.-Л., 1927. С. 32.

⁵⁹ Там же. С. 32.

⁶⁰ Проект правительственного сообщения, одобренный государем императором Александром III // Русский архив. 1916. №1. С. 26-31. Проект первого правительственного сообщения см. здесь: Проект

определенной мере бросало огромную тень на те успехи, которые были достигнуты российской властью в борьбе с терроризмом – во многом благодаря проводимой Лорис-Меликовым политике. Об этом говорила и реакция государя на слова министра внутренних дел: «Кажется, мы заблуждались»⁶¹. Таким образом, уже в самом начале заседания была отчасти дискредитирована успешная предшествующая деятельность Лорис-Меликова на посту начальника Верховной распорядительной комиссии и министра внутренних дел, которая включала в себя в том числе и разработку проекта о привлечении общественных представителей к законосовещательной деятельности.

После этого началось непосредственное обсуждение проекта. Первым слово было предоставлено С.Г. Строганову. Граф высказал мнение о том, что предлагаемая Лорис-Меликовым мера не только не своевременная, но даже вредная. «Мера эта вредна потому, что с принятием ее власть перейдет из рук самодержавного монарха, который теперь для России безусловно необходим, в руки разных шалопаев, думающих не о пользе общей, а только о своей личной выгоде»⁶², – заявил Строганов, первым на заседании поставив очень важный для всего исхода борьбы в «верхах» вопрос о возможном ограничении самодержавной власти в случае реализации проекта Лорис-Меликова. Граф, обращаясь к императору, выразил точку зрения о том, что выбранный министром внутренних дел путь «ведет прямо к конституции»⁶³, чего допустить, на его взгляд, никак нельзя. Реакция государя не заставила себя долго ждать: «Я тоже опасюсь, что это – первый шаг к конституции»⁶⁴.

Следующим слово перешло к П. А. Валуеву, «который произнес красноречивую речь, конечно, в пользу обсуждаемых предположений»⁶⁵. Валуев, в противовес мнению графа Строганова, высказал мысль, что

правительственного сообщения, одобренный государем императором Александром II-м // Русский архив. 1916. №1. С. 21-26.

⁶¹ Там же. С. 32.

⁶² Там же. С. 33.

⁶³ Там же. С. 33.

⁶⁴ Там же. С. 33.

⁶⁵ Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютин. 1879 – 1881. М., 2010. С. 281.

«предполагаемая мера очень далека от конституции. Она имеет целью справляться с мнением и взглядами людей, знающих более, чем мы, живущие в Петербурге, истинные потребности страны и ее населения, до крайности разнообразного»⁶⁶. Кроме того, председатель Комитета министров добавил следующую важную ремарку: «Я нахожу, что при настоящих обстоятельствах предлагаемая нам мера оказывается в особенности настоятельно и необходимою»⁶⁷. Однако от оценки своевременности принятия проекта в настоящую минуту граф Валуев воздержался, предпочитая, по его словам, оставить этот вопрос целиком на усмотрение императора. Таким образом, уже выступления первых двух ораторов, высказавших во многом противоположные точки зрения, показали всю неоднозначность обсуждаемой меры.

Затем выступал военный министр Д.А. Милютин. Вот что он пишет об этом в своем дневнике: «Находя невозможным входить в обсуждение дела по существу, я высказал лишь убеждение в необходимости новых законодательных мер для довершения оставшихся недоконченными великих реформ почившего императора. Что касается до самого порядка предположенного ведения работ при содействии представителей земства, то я напомнил, что почти все прежние реформы разрабатывались также с участие представителей местных интересов, и никаких неудобств от того не замечалось»⁶⁸. В конце своего выступления граф Милютин высказал мнение о том, что именно сейчас предложенный министром внутренних дел проект своевременен, как никогда. В середине речи Милютина его перебил государь, сославшийся на совет германского императора Вильгельма I о недопущении введения в России конституционного правления. На это военный министр ответил: «Ваше величество, не о конституции идет у нас теперь речь. Нет ее и тени. Предлагается устроить на правильных основаниях только то, что было и

⁶⁶ Дневник Е. А. Перетца (1880-1883). М.-Л., 1927. С. 34.

⁶⁷ Там же. С. 34.

⁶⁸ Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1879 – 1881. М., 2010. С. 281.

прежде. Когда рассматривались проекты крестьянских положений и других важнейших законов, всякий раз, с соизволения покойного государя, приглашаемы были, для предварительного обсуждения этих проектов, люди практические, которые знают действительную жизнь, потому что живут не в столице, а в уездах и деревнях, где многие вопросы представляются в ином свете, нежели в нашей среде»⁶⁹. Можно заметить, что Милютин во многом солидарен с Валуевым. Он также обращается к опыту привлечения представителей общества в ходе разработки реформ 1860 – 1870-х гг. Но военный министр этим не ограничивается – он не только ставит обсуждаемое предложение Лорис-Меликова в один ряд с уже проведенными реформами, но еще и высказывает мысль о том, что именно эта мера является своеобразным венцом преобразований, начатых в царствование Александра II. А так как незавершенность реформ создает почву для возникновения различного рода проблем в внутренней жизни страны⁷⁰, то реализация проекта Лорис-Меликова выглядит особенно важным мероприятием.

После военного министра выступал министр почт и телеграфов Л.С. Маков. «Он вторил графу Строганову, пугал последствиями предпринимаемой меры, причем употребил даже выражение «ограничение самодержавной власти»⁷¹, - пишет в своем дневнике Д.А. Милютин. Также Л.С. Маков сделал особый акцент на том, что в нынешнее время перед лицом власти стоит важнейшая задача – борьба с крамолой и террористическим движением, и в этой ситуации принимать подобные проекты было бы просто недопустимо⁷².

Далее говорил министр финансов А. А. Абаза. Судя по всему, предыдущее выступление его несколько задело, так как государственный секретарь Е. А. Перетц отмечает, что министр финансов говорил с некоторой

⁶⁹ Дневник Е. А. Перетца (1880-1883). М.-Л., 1927. С. 35.

⁷⁰ Там же. С. 35.

⁷¹ Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1879 – 1881. М., 2010. С. 282.

⁷² Дневник Е. А. Перетца (1880-1883). М.-Л., 1927. С. 36.

горячностью⁷³. Так же к речи Макова отсылает и первая часть выступления Абазы: «Что касается... возражений министра почт и телеграфов, то я попрошу разрешения остановиться прежде всего на указании его о невозможности принять предлагаемую меру в нынешние смутные времена. Я бы понял это возражение, если бы смута исходила из народа. Но мы видим совершенно противное. Смута производится горстью негодяев, не имеющих ничего общего с народом, исполненным любви и преданности своему государю»⁷⁴. Высказался А. А. Абаза и по поводу одного из наиболее дискуссионных пунктов проекта. По его мнению, если бы предложения Лорис-Меликова «клонились к ограничению самодержавия, которое более чем когда-либо необходимо в нынешнее время, то, конечно, никто из нас не предложил бы и не поддерживал этой меры. Проектированные редакционные комиссии должны иметь значение учреждения только совещательного»⁷⁵. Объясняя, почему он поддерживает проект о привлечении к законосовещательной деятельности представителей общества, министр финансов заявил: «Трон не может опираться исключительно на миллион штыков и на армию чиновников»⁷⁶.

Судя по всему, не очень яркой была речь самого автора рассматриваемого проекта – министра внутренних дел М. Т. Лорис-Меликова, хоть согласно версии событий графа это и выглядит иначе⁷⁷. П.А. Валуев оценивает его выступление следующим образом: «Министр внутренних дел... не нашел у себя в запасе ни одного довода в пользу своих предположений, ни одного аргумента против своих оппонентов, но ограничился несколькими общими местами о своих убеждениях»⁷⁸. Д. А. Милютин же в своем дневнике не упоминает о выступлении графа Лорис-Меликова вообще, что, на наш взгляд, тоже может свидетельствовать о его не самом ярком характере. Тем не

⁷³ Там же. С. 36.

⁷⁴ Там же. С. 36.

⁷⁵ Там же. С. 37.

⁷⁶ Там же. С. 37.

⁷⁷ Совет министров 8 марта 1881 года. Рассказ графа Лорис-Меликова В.А. Бильбасову // 1 марта 1881 г. По неизданным материалам. Пг., 1918. С. 191.

⁷⁸ Дневник графа П. А. Валueva 1877 – 1884 гг. Пг., 1919. С. 152.

менее, Лорис-Меликов в своей речи, пусть и не самой запоминающейся, не только еще раз высказался за актуальность разработанной им программы, но и указал на необходимость ее реализации в кратчайшие сроки.

Еще один важный момент: в дневнике Е.А. Перетца этой информации нет, однако М.Т. Лорис-Меликов в своем рассказе В.А. Бильбасову упомянул, что он якобы также подтвердил полное отсутствие в проекте каких-либо предпосылок ограничения самодержавной власти⁷⁹. Пожалуй, не так важно, говорил это Лорис-Меликов на Совете министров на самом деле или нет. Важно другое – граф в своем рассказе В.А. Бильбасову представлял картину такой, какой ему самому хотелось ее видеть. Завершая свое выступление, министр внутренних дел сказал следующее: «Важно... чтобы на стороне правительства были все благомыслящие люди. Предлагаемая теперь мера может много этому способствовать. В настоящую минуту она вполне удовлетворит и успокоит общество; но если мы будем медлить, то упустим время, - через три месяца нынешние, в сущности весьма скромные, предположения наши окажутся, по всей вероятности, уже запоздалыми»⁸⁰.

После Лорис-Меликова говорил главный противник его проекта – обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев. По словам самого Победоносцева, в этот момент он «не мог уже сдерживать волнения и негодования»⁸¹. Судя по свидетельствам очевидцев, его речь стала чуть ли не главным событием заседания Совета министров. «Обер-прокурор Синода сказал невозможную речь, в которой назвал все предложенное и все европейское (sic) – величайшей фальшью...»⁸², - пишет в своем дневнике П. А. Валуев. Военный министр Милютин дает еще более резкую оценку выступлению Победоносцева: «Это было уже не одно опровержение предложенных ныне мер, а прямое, огульное порицание всего, что было совершено в прошлое царствование; он осмелился

⁷⁹ Совет министров 8 марта 1881 года. Рассказ графа Лорис-Меликова В.А. Бильбасову // 1 марта 1881 г. По неизданным материалам. Пг., 1918. С. 191.

⁸⁰ Дневник Е. А. Перетца (1880-1883). М.-Л., 1927. С. 38.

⁸¹ Первые недели царствования императора Александра III. Письма К.П. Победоносцева из Петербурга в Москву к Е.Ф. Тютчевой. Русский архив. 1907. №5. С. 94.

⁸² Дневник графа П. А. Валуева 1877 – 1884 гг. Пг., 1919. С. 152.

назвать великие реформы императора Александра II преступною ошибкой!.. Это было отрицание всего, что составляет основу европейской цивилизации. Многие из нас не могли скрыть нервного вздрагивания от некоторых фраз фанатика-реакционера»⁸³.

Нам представляется, что нужно подробнее остановиться на речи К.П. Победоносцева, вызвавшей такую бурную негативную реакцию у некоторых сановников. Прежде всего, обер-прокурор Синода высказал мысль о том, что принятие проекта Лорис-Меликова чревато для России крайне серьезными последствиями и может даже привести к ее гибели: «Я нахожусь не только в смущении, но и в отчаянии. Как в прежние времена перед гибелью Польши говорили: «Finis Poloniae», так теперь едва ли не приходится сказать и нам: «Finis Russiae». При соображении проекта, предлагаемого на утверждение ваше, сжимается сердце»⁸⁴. После этого Победоносцев вновь поднял вопрос об угрозе введения конституционного правления: «Нам говорят, что для лучшей разработки законодательных проектов нужно приглашать людей, знающих народную жизнь, нужно выслушивать экспертов. Против этого я ничего не сказал бы, если б хотели сделать только это... Нет, в России хотят ввести конституцию, и если не сразу, то, по крайней мере, сделать к ней первый шаг»⁸⁵. Победоносцев, как мы уже упоминали ранее, крайне негативно относился к конституционным формам управления государством, что он и высказал на заседании. Усомнился Константин Петрович и в том, что представители от земств будут в состоянии выразить истинные интересы народа: «Но разве те люди, которые явятся сюда для соображения законодательных проектов, будут действительными выразителями мнения народного? Я уверяю, что нет. Они будут выражать только личное свое мнение и взгляды»⁸⁶. Обрушился с критикой обер-прокурор Синода и на учреждения, появившиеся в России в результате реформ Александра II: «Открыты были земские и городские

⁸³ Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1879 – 1881. М., 2010. С. 283.

⁸⁴ Дневник Е. А. Перетца (1880-1883). М.-Л., 1927. С. 38.

⁸⁵ Там же. С. 38.

⁸⁶ Там же. С. 38.

общественные учреждения – говорильни, в которых не занимаются действительным делом... Потом открылись новые судебные учреждения – новые говорильни... Дали, наконец, свободу печати, этой самой ужасной говорильни...»⁸⁷, после чего, оканчивая свою речь, он еще раз выразил отрицательное отношение к предложению об учреждении представительного законосовещательного органа, одновременно сделав акцент на абсолютной несвоевременности даже такого обсуждения: «В такое ужасное время, государь, надобно думать не об учреждении новой говорильни, в которой произносились бы новые растлевающие речи, а о деле. Нужно действовать!»⁸⁸.

Речь Победоносцева очень задела А.А. Абазу, который снова пожелал высказаться, отвечая на выступление обер-прокурора Синода. В резкости выступления Абазы вряд ли стоит сомневаться, ее констатирует в том числе и сам Победоносцев⁸⁹. Министр финансов заявил следующее: «Смотреть на наше положение так мрачно, как смотрит Константин Петрович, может только тот, кто сомневается в будущем России, кто не уверен в ее жизненных силах. Я, с моей стороны, решительно восстаю против таких взглядов и полагаю, что отечество наше призвано к великому еще будущему»⁹⁰.

Далее говорил государственный контролер Д.М. Сольский, который выступил в защиту проекта М.Т. Лорис-Меликова. Сольский, апеллируя к речи К.П. Победоносцева, заявил следующее: «Между нами нет такого коренного различия, как казалось бы с первого взгляда. Разногласия происходят главным образом от недоразумения»⁹¹, вскоре добавил: «С другой стороны, никто не помышляет о конституции или об ограничении самодержавия. В проекте министра внутренних дел, одобренном особым совещанием, в котором ваше величество изволили участвовать, прямо выражено, что редакционная комиссия с участием земства и городов имеет

⁸⁷ Там же. С. 39.

⁸⁸ Там же. С. 40.

⁸⁹ Первые недели царствования императора Александра III. Письма К.П. Победоносцева из Петербурга в Москву к Е.Ф. Тютчевой. Русский архив. 1907. №5. С. 94.

⁹⁰ Дневник Е. А. Перетца (1880-1883). М.-Л., 1927. С. 40.

⁹¹ Там же. С. 41.

лишь голос совещательный; далее сказано также, что существующий порядок рассмотрения дел в Государственном Совете остается без изменений. В виду этого о конституции нет и речи»⁹². Далее Сольский продолжил свою мысль: «Нам нужно самодержавие. Но вместе с тем необходимо, чтобы самодержавная власть могла действовать сознательно, основываясь на познании действительных народных нужд»⁹³. Государственный контролер также выразил мысль, что призванные из губерний деятели будут достаточно умерены в своих политических воззрениях, а над ними самими будет установлен необходимый контроль, которого должно хватить для того, чтобы они не выходили за пределы делегируемых им полномочий. Уделил часть своей речи Д.М. Сольский и для того, чтобы успокоить противников проекта: «Неоднократно возникавшие у нас до сих пор опасения по случаю принимавшихся либеральных законодательных мер, как дознано непровержимыми фактами, были напрасны, были несправедливы»⁹⁴. В конце своего выступления Сольский высказал мысль о необходимости дальнейшего тщательного обсуждения проекта, чтобы сгладить все его неровности, а также повторил еще раз, что между сторонниками проекта и К.П. Победоносцевым нет серьезных различий в убеждениях, они лишь расходятся в некоторых нюансах и подробностях.

Речь государственного контролера Д.М. Сольского была последней большой и достаточно яркой на заседании Совета министров 8 марта 1881 г. После него выступали С.Н. Урусов, А.А. Сабуров, Д.Н. Набоков, принц Ольденбургский, кн. Ливен, великий кн. Константин Николаевич, великий кн. Михаил Николаевич, великий кн. Владимир Александрович. Однако никто из них не высказал ничего нового по сравнению с тем, что уже было сказано. Если подводить общий итог заседанию, то стоит отметить следующее: «Большинство выступавших – 9 человек (Абаза, Валуев, Лорис-Меликов,

⁹² Там же. С. 41.

⁹³ Там же. С. 41.

⁹⁴ Там же. С. 42.

Милютин, Набоков, Сольский, Сабуров, вел. князя Константин Николаевич и Владимир Александрович) высказались за обсуждаемое предложение. Активно против высказались четверо (Строганов, Победоносцев, Посъет и Маков). Князь Урусов, принц Ольденбургский и князь Ливен не выразили четко свои взгляды, предложив еще раз обсудить представленный проект»⁹⁵. Таков вывод тщательно проанализировавшего заседание П.А. Зайончковского. Впрочем, оценка итоговой расстановки сил может выглядеть несколько иначе. Так, например, сам Лорис-Меликов был склонен князя Ливена также примкнувшим к противникам собственного проекта⁹⁶. На наш взгляд, данные оценки весьма условны (так как не всегда на основе имеющихся источников можно четко идентифицировать позицию некоторых сановников), а расхождение в них не имеют принципиального значения.

Несмотря на значительный перевес сторонников программы М.Т. Лорис-Меликова, император принял решение о необходимости продолжения дальнейших консультации и назначения для этих целей нового совещания министров, но уже в более узком составе для дальнейшего обсуждения проекта. Точной даты заседания назначено не было.

Заседание Совета министров 8 марта 1881 г. стало первой фазой открытой борьбы в «верхах» в первые месяцы царствования Александра III. Именно тут во многом наметились основные контуры двух соперничающих сторон.

Прежде, чем начинать рассматривать вопросы, касающиеся складывания и функционирования противоборствующих «правительственных группировок», стоит сделать одну оговорку. В трудах, остающихся к настоящему моменту наиболее фундаментальными по интересующей нас проблеме⁹⁷, боровшиеся за влияние на императора представители высшей

⁹⁵ Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870 - 1880-х гг. М., 1964. С. 331-332.

⁹⁶ Совет министров 8 марта 1881 года. Рассказ графа Лорис-Меликова В.А. Бильбасову // 1 марта 1881 г. По неизданным материалам. Пг., 1918. С. 192.

⁹⁷ Готье Ю.В. Борьба правительственных группировок и манифест 29 апреля 1881 г. // Исторические записки. М., 1938. Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870 - 1880-х гг. М., 1964.

бюрократии разделяются по политическому принципу. Так, сторонники проекта Лорис-Меликова чаще всего называются «либеральной партией», «группой либеральной бюрократии», противники проекта – «реакционной партией», «группой представителей реакции». Однако, как известно, в России конца XIX в. с ее самодержавной политической системой можно говорить лишь о крайне незначительной степени присутствия публичной политики. Нам кажется, что можно согласиться с современным исследователем К.А. Соловьевым: «Политика не была предметом обсуждения высшей бюрократии, которая ведала делами исключительно высшего управления. Российский чиновник, каким бы высокопоставленным он ни был, политиком не являлся. Он не мог поставить вопрос (если только, конечно, не в частной беседе) о векторе развития страны. В сфере его интересов – исключительно родное ведомство и направления деятельности последнего»⁹⁸. Конечно, стоит учитывать необычность политической ситуации, сложившейся в России весной 1881 г., когда представители бюрократии, опровергая один из вышеупомянутых тезисов К.А. Соловьева, обсуждали вопросы куда более масштабные, нежели деятельность отдельных ведомств. Однако, во-первых, такую ситуацию можно рассматривать как неординарную, как исключение, лишь подтверждающее общее правило. А во-вторых, мы видим, как сами сановники пытались «откреститься» от всякой «политичности» собственных суждений: на Совете министров 8 марта никто из них не то, что не отстаивал идею ограничения самодержавной власти и смены, таким образом, политического вектора развития страны, – каждый из них пытался доказать, что у него даже и в мыслях не могло быть такой крамольной затеи. А М.Т. Лорис-Меликов, инициатор проекта реформ, рассказывая свою версию произошедшего В.А. Бильбасову, и вовсе заявил, что убил бы всякого, в ком заметил бы желание ограничить самодержавную власть⁹⁹. Тем не менее, стоит

⁹⁸ Соловьев К.А. Хозяин земли русской? Самодержавие и бюрократия в эпоху модерна. М., 2017. С. 223.

⁹⁹ Совет министров 8 марта 1881 года. Рассказ графа Лорис-Меликова В.А. Бильбасову // 1 марта 1881 г. По неизданным материалам. Пг., 1918. С. 191.

констатировать, что хоть представители высшей бюрократии в России в конце XIX в. и не являлись политиками, пути развития страны они явно видели по-разному. В этом (скорее «идеологическом», а не политическом) смысле, как нам представляется, выбранная Ю.В. Готье и П.А. Зайончковским терминология имеет под собой основание. Поэтому мы будем к ней обращаться, однако, на наш взгляд, было бы правильно ставить данные термины в кавычки.

Итак, к «либеральной партии» может быть отнесена целая когорта министров (9 человек). Однако наиболее активно на заседании проявили себя пятеро: Лорис-Меликова, Милютин, Абаза, Валуев и Сольский. Среди представителей «консервативного лагеря» ярко выделялся один человек – К.П. Победоносцев. Уже на заседании 8 марта стало понятно, что именно он является первым лицом «консервативной партии», более того, он ее олицетворяет.

Во время обсуждения проекта, предложенного М.Т. Лорис-Меликовым, стало ясно, что обе стороны придерживаются диаметрально противоположных точек зрения на ряд затронутых в нем аспектов. В первую очередь, речь идет о «конституционности» проекта. Победоносцев и его сторонники отстаивали позицию, что посредством программы министра внутренних дел «в России хотят ввести конституцию, и если не сразу, то, по крайней мере, сделать к ней первый шаг»¹⁰⁰. Одновременно с этим почти каждый участник заседания, поддержавший проект, старался убедить государя, что вопрос о введении конституции на повестке дня не стоит и стоять не может, так как привлечь выборных от земств предполагается лишь к законосовещательной деятельности. Сам автор проекта придерживался абсолютно аналогичной точки зрения, уверяя в своем докладе от 28 января 1881 г. еще императора Александра II в том, что предлагаемые им формы законосовещательной деятельности существенно отличаются от западных парламентов и

¹⁰⁰ Дневник Е. А. Перетца (1880-1883). М.-Л., 1927. С. 38.

старорусских Земских соборов, наличие которых куда сильнее приближает государство к конституционному типу правления, нежели предусмотренные в его проекте законосовещательные формы, которые ничего подобного не предусматривают¹⁰¹.

Еще один важный аспект, легший в основу различности точек зрения двух противоборствующих сторон – вопрос о своевременности предлагаемой меры. К.П. Победоносцев и согласные с ним министры, указывая на невозможность ее принятия, особый акцент делали на те тяжелые времена, в которые данное предложение подлежит рассмотрению. По их мнению, в тот момент предложенная мера, в случае ее принятия, будет воспринята террористами как уступка, на что правительство пойти никак не может. Что касается «либеральной группы» министров, то ее представители всячески подчеркивали, что данная мера никак не может быть воспринята в качестве уступки террористам, потому что те, кого должны будут выбрать от земств и городов для осуществления законосовещательной деятельности, с террористами связаны никак быть не могут. На основании этого наиболее активная часть «либералов» высказывала мысль о своевременности предложенного проекта, кроме того, некоторые из них, как, например, М.Т. Лорис-Меликов, считали, что чем быстрее данная мера будет одобрена, тем будет лучше для установления порядка и спокойствия в государстве.

Таким образом, на заседании Совета министров 8 марта, ставшего первой фазой борьбы в «верхах» за влияние на императора, не только были очерчены первые контуры состава участников этой борьбы, но и еще были изложены идейно-политические основы их «программ» действия, основывавшихся на отношении к предложенному М.Т. Лорис-Меликовым проекту. Исход совещания его участники оценивали по-разному, часто

¹⁰¹ Доклад М. Т. Лорис-Меликова о привлечении представителей населения к законосовещательной деятельности // Конституционные проекты в России. XVIII – начало XX в. М., 2010. С. 468.

диаметрально противоположно¹⁰². Для большинства из них было очевидно, что ситуация остается неопределенной, а все борьба еще впереди.

¹⁰² Итенберг В.С., Твардовская В.А. Граф М.Т. Лорис-Меликов и его современники. М., 2004. С. 197.

§3. Борьба за влияние в «верхах» после 8 марта 1881 г. Манифест 29 апреля 1881 г. и отставка «либеральных» министров.

Заседание Совета министров 8 марта 1881 г. произвело достаточно тягостное впечатление на многих представителей «либеральной партии». Вот что говорит об этом в своем дневнике военный министр Д.А. Милютин, в дальнейшем один из наиболее активных сторонников программы реформ: «Мы вышли из зала совещания в угнетенном настроении духа и нервном раздражении»¹⁰³. Тем не менее, все сторонники проекта Лорис-Меликова, наиболее активно выступившие в его защиту на заседании 8 марта, сохранили свои посты, в том числе это относится и к ядру «либеральной партии», которое постепенно составили сам М.Т. Лорис-Меликов, Д.А. Милютин и А.А. Абаза.

В научной литературе нет особых споров касательно состава двух соперничающих сторон после 8 марта 1881 г. Основными действующими лицами «либеральной» бюрократии стали, как только что было упомянуто, министр внутренних дел М.Т. Лорис-Меликов, воспринимавшийся как ведущая фигура среди «либералов», военный министр Д.А. Милютин и министр финансов А.А. Абаза. Противостоял же им один человек – К.П. Победоносцев. К такому заключению в своей монографии приходит П.А. Зайончковский¹⁰⁴. Такой же состав участников развернувшегося соперничества находим и на страницах исследования Ю.В. Готье¹⁰⁵.

Возникает вопрос: почему из поддержавших проект министра внутренних дел на Совете министров 8 марта 1881 г. (а поддержало его, как мы уже показывали, 9 человек) в дальнейших событиях наряду с Лорис-Меликовым позиции «либеральной» бюрократии продолжали активно отстаивать всего лишь двое – Милютин и Абаза?

¹⁰³ Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1879 – 1881. М., 2010. С. 285.

¹⁰⁴ Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870 - 1880-х гг. М., 1964. С. 334.

¹⁰⁵ Готье Ю. В. Борьба правительственных группировок и манифест 29 апреля 1881 г. // Исторические записки. М., 1938. С. 271-278.

На наш взгляд, главную роль здесь играли личные отношения между М.Т. Лорис-Меликовым и двумя упомянутыми министрами. С Милютиным, который долгое время возглавлял Военное министерство, Лорис-Меликов как военный офицер был давно и хорошо знаком. Мы имеем информацию, что они состояли в переписке как минимум с 1859 г.¹⁰⁶ Судя по тону писем Д.А. Милютина к М.Т. Лорис-Меликову, имеющимся в нашем распоряжении, можно сделать вывод, что отношения между ними были если и не дружественными, то уж точно весьма теплыми. Примером этому могут служить частые встречи и длительные приятельские разговоры Лорис-Меликова с Милютиным в 1880 г., когда Михаил Таризелович переехал в Санкт-Петербург, где жил Милютин (до этого он в связи со служебными обязанностями длительное время жил вне столицы)¹⁰⁷. Хорошие и длительные отношения с Лорис-Меликовым, а также общность убеждений¹⁰⁸, возможно, и стали главными причинами активного участия военного министра в борьбе «верхов» в марте-апреле 1881 г.

Похоже, что то же самое касается и А.А. Абазы. Абаза получил пост министра финансов осенью 1880 г. «благодаря «новым веяниям», связанным с политикой М.Т. Лорис-Меликова, и сразу же стал одним из сторонников проводимой им политики¹⁰⁹, так как также разделял многие взгляды министра внутренних дел. В его доме, согласно воспоминаниям С.Ю. Витте, регулярно «во время так называемой «диктатуры сердца» графа Лорис-Меликова...собиралась вся либеральная партия петербургских сановников, сановников, желавших провести конституцию»¹¹⁰. Поэтому нет ничего удивительного в том, что М.Т. Лорис-Меликов, по свидетельству Е.А. Перетца, воспринимал назначение А.А. Абазы на пост министра финансов как свою победу¹¹¹. Сохранились и свидетельства современников о хороших личных

¹⁰⁶ РГИА. Ф. 866. Оп. 1, Д. 126.

¹⁰⁷ Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1879 – 1881. М., 2010. С. 189-190.

¹⁰⁸ См. позицию Д.А. Милютина на Совете министров 8 марта 1881 г.

¹⁰⁹ Сафронова Ю.А. Екатерина Юрьевская. Роман в письмах. СПб., 2017. С. 271.

¹¹⁰ Витте С.Ю. Воспоминания. Детство. Царствования Александра II и Александра III (1849-1894). Л., 1924. С. 177.

¹¹¹ Дневник Е. А. Перетца (1880-1883). М.-Л., 1927. С. 7.

отношениях Лорис-Меликова и Абазы¹¹². И даже если учесть высокую степень критичности отношения В.П. Мещерского к обоим министрам и предположить, что, называя их друзьями, он стремился не столько отразить реальное положение дел, сколько показать схожесть их политической позиции по многим вопросам, столь противоречащей взглядам самого Мещерского, то мы можем, например, обратиться к свидетельствам государственного секретаря Е.А. Перетца, часто общавшегося и с Лорис-Меликовым, и с Абазой. По его дневниковым записям также складывается впечатление, что министра внутренних дел и министра финансов объединяла не только близость политических воззрений, но и хорошие личные отношения¹¹³.

Теперь зададимся вопросом, почему К.П. Победоносцев остался в итоге без серьезных союзников из среды высшей бюрократии несмотря на то, что и его позиция нашла поддержку в Совете министров 8 марта? Возможно, причина все та же. Нам не удалось обнаружить сведений о близких личных отношениях между обер-прокурором Синода и сановниками, выступившими против проекта М.Т. Лорис-Меликова. Единственным здесь исключением может являться граф С.Г. Строганов, давний и хороший знакомый К.П. Победоносцева. Однако Строганов был стар (он умер в 1882 г.), и уже не имел ни возможности, ни желания участвовать в большой политике. Об этом, например, свидетельствует отказ графа, со ссылкой на старость, стать председателем комиссии по дальнейшему рассмотрению проекта Лорис-Меликова¹¹⁴. Кроме этого, на наш взгляд, тому, что Победоносцев оказался в одиночестве, есть и другое объяснение. При внимательном взгляде на «либеральную партию» можно заметить относительное равенство (по масштабам личности и политическому влиянию) ее участников: М.Т. Лорис-Меликов – инициатор программы реформ, пользовавшийся несомненным доверием предыдущего императора и высокой, возможно, даже

¹¹² Мещерский В.П. Мои воспоминания. М., 2003. С. 564.

¹¹³ Дневник Е. А. Перетца (1880-1883). М.-Л., 1927. С. 7, 9, 12, 13.

¹¹⁴ Там же. С. 45-46.

беспрецедентной для министра поддержкой общества; Д.А. Милютин – уважаемый министр, один из сподвижников Александра II, видный деятель эпохи реформ 60-70-х гг. XIX в.; А.А. Абаза – человек, хоть по сравнению со своими партнерами по «партии» и обладающий меньшим политическим и общественным весом, но заслуживший репутацию талантливой и обаятельного сановника¹¹⁵. Но кто поддержал на Совете министров 8 марта К.П. Победоносцева? Разве мог могущественный обер-прокурор Синода что-то выиграть от союза с министром почт и телеграфов Л.С. Маковым или с министром путей сообщения К.Н. Посъетом? Как показало время, он один оказался в разы влиятельнее их вместе взятых.

До середины апреля за влияние на императора шла скрытая, «подковерная» борьба. Прежде всего, ее следы можно увидеть в смене глав различных министерств и других важных ведомств. И тут, помимо Лорис-Меликова, который продолжал назначать на министерские должности своих ставленников, определенный вес начинает набирать Победоносцев.

Уже 9 марта, на следующий день после заседания, Е.А. Перетц сообщает о назначении нового петербургского градоначальника, которым стал Н.М. Баранов. Государственный секретарь отмечает, что «назначение это состоялось не по представлению Лориса, а по совету Победоносцева»¹¹⁶. В конце марта произошли две важные министерские замены: новым министром просвещения вместо А.А. Сабурова стал барон А.П. Николаи, а новым министром государственных имуществ – граф Н.П. Игнатьев вместо князя А.А. Ливена. «Обе перемены совершились под влиянием Лориса»¹¹⁷, – как свидетельствует в своем дневнике Е.А. Перетц. При этом вряд ли стоит считать, что эти перемены сильно упрочили влияние Лорис-Меликова. Новые министры были во многом компромиссными фигурами, устраивавшие также и обер-прокурора Синода. Вот что он пишет, например, императору

¹¹⁵ Витте С.Ю. Воспоминания. Детство. Царствования Александра II и Александра III (1849-1894). Л., 1924. С. 175-176.

¹¹⁶ Дневник Е.А. Перетца (1880-1883). М.-Л., 1927. С. 46.

¹¹⁷ Там же. С. 54.

касательно назначения барона Николаи: «Позволю себе доложить вашему величеству, что я, по совести и разумению своему, не знаю другого лица, кого бы можно было серьезно называть в настоящую минуту для этой должности, кроме барона Николаи»¹¹⁸. Еще одним ставленником Лорис-Меликова в этот период стал его заместитель (товарищ) на посту министра внутренних дел М.С. Коханов, которого Михаил Тариэлович предложил государю ввести в Государственный совет, на что тот ответил согласием¹¹⁹. Укрепило влияние Лорис-Меликова и присоединение к его ведомству Министерства почт и телеграфов, которое до этого возглавлял сторонник К.П. Победоносцева Л.С. Маков¹²⁰. В руках у министра внутренних дел теперь появилось такое мощное оружие, как возможность перлюстрации писем. Однако в это время «либеральная партия» перенесла и достаточно серьезный удар: в отставку с постов председателя Государственного совета и управляющего флотом и морским ведомством был отправлен великий князь Константин Николаевич, один из самых ярких сторонников проекта о привлечении представителей земств к законосовещательной деятельности¹²¹.

Несмотря на сохранившееся, казалось бы, влияние на внутреннюю политику страны М.Т. Лорис-Меликова, он уже не мог себя чувствовать так же уверено, как раньше. Стало очевидным появление нового серьезного конкурента для министра внутренних дел в борьбе за влияние на государя, которым стал К.П. Победоносцев. Это прекрасно понимал и сам Лорис-Меликов, что нашло отражение в следующей записи из дневника Е.А. Перетца, часто с ним общавшимся: «Разговор наш перешел к положению Лориса. По-видимому, он считает себя пока крепким, но не думаю, чтобы он считал себя прочным. «Беда в том, - сказал он, - что при чрезвычайной трудности нашего положения мы совещаемся в одно и то же время и с рара, и с тапан (он разумел, очевидно, государя, себя и Победоносцева) и поневоле слушаемся то

¹¹⁸ Письма Победоносцева к Александру III. М., 1926. Т. 1. С. 320.

¹¹⁹ Дневник Е.А. Перетца (1880-1883). М.-Л., 1927. С. 58.

¹²⁰ Там же. С. 51.

¹²¹ Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1879 – 1881. М., 2010. С. 293-294.

того, то другого»¹²². Одновременно незыблемыми свои позиции отнюдь не считали Д.А. Милютин и А.А. Абаза, что хорошо видно из записей дневника военного министра: Лорис-Меликов и Милютин уже вполне допускают мысль о своей скорой отставке и договариваются вместе пойти на этот шаг в случае окончательного утверждения влияния Победоносцева на молодого царя¹²³, с таким же намерением выступает и министр финансов Абаза¹²⁴.

Несмотря на тревогу, вызванную укреплением позиций К.П. Победоносцева при дворе, М.Т. Лорис-Меликов все же не терял надежды на реализацию собственной программы преобразований. Подтверждением тому являлось то, что министр внутренних дел вновь решил взять инициативу в свои руки и отправил императору 12 апреля доклад о правительственной программе будущих реформ. В этом докладе Лорис-Меликов предлагал царю следующие меры: объединение полиции, преобразование местной администрации, преобразование училищной части, регулирование законом положения о печати, пересмотр некоторых частей земского и городского положений, пересмотр крестьянских положений, меры к устранению хозяйственного расстройства крестьян, организация народного продовольствия, преобразование податной и паспортной системы¹²⁵. Министр внутренних дел и раньше высказывался о необходимости проведения в жизнь ряда из перечисленных в докладе 12 апреля мер. Кроме того, некоторые из них уже начали обсуждать в среде высших сановников.

Наибольший интерес для нас представляет вторая часть доклада 12 апреля, в которой Лорис-Меликов говорит о необходимых условиях для реализации поставленных задач. Таких условий, по мнению Михаила Тариеловича, было два. Одним из них была необходимость привлечения выборных представителей общественных учреждений к законосовещательной

¹²² Дневник Е.А. Перетца (1880-1883). М.-Л., 1927. С. 58.

¹²³ Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1879 – 1881. М., 2010. С. 289.

¹²⁴ Там же. С. 307.

¹²⁵ Доклад М.Т. Лорис-Меликова Александру III о правительственной программе будущих реформ // Конституционные проекты в России. XVIII – начало XX в. М., 2010. С. 493-495.

деятельности, которое «даст возможность власти до утверждения закона наперед узнать действительное общественное мнение и избавит ее от необходимости последующих изменений, а общество оградит от законодательных сюрпризов и, удовлетворяя его стремлению к общественному служению, возбудит в нем чувство солидарности с правительством и нравственной ответственности за издаваемые законы»¹²⁶. Это условие реализации своей программы министр внутренних дел выдвигал и раньше, в том числе в своем докладе императору Александру II от 28 января 1881 г. и на заседании Совета министров 8 марта 1881 г.

Однако в апрельском докладе М.Т. Лорис-Меликов выдвигает и новое условие для реализации своей программы: единство правительства и программы внутренней политики. По словам графа, суть данной меры заключается в том, чтобы «образовать однородное, согласное между собою правительство», что помогло бы более эффективно воплотить в жизнь намеченный план преобразований¹²⁷. Такая формулировка вопроса исключала возможность присутствия в составе правительства людей с противоположными идейно-политическими взглядами. Заседание Совета министров 8 марта показало, что как минимум несколько членов высшей бюрократии выбивалось из колеи «единомыслящего» правительства, причем в их числе была и такая влиятельная фигура, как обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев. Отметим также, что в до этого России в XIX в. правительства как такого не существовало – были лишь отдельные министры, которые чаще всего действовали в интересах собственного ведомства, что плохо согласовывалось в какую-либо единую общую политику¹²⁸. Лорис-Меликов же теперь предлагал такое правительство создать. И естественно, что правительство, члены которого видят путь развития страны примерно одинаково (именно таким видел его министр внутренних дел), и при этом их

¹²⁶ Там же. С. 495.

¹²⁷ Там же. С. 494.

¹²⁸ Соловьев К.А. Хозяин земли русской? Самодержавие и бюрократия в эпоху модерна. М., 2017. С. 155.

действия носят координированный характер, обрело бы значительный (а может, даже очень значительный) политический вес.

То, что данное предложение имело целью именно привнести изменения в политическую систему Российской империи, видно из дневника П.А. Валуева, который обсуждал этот вопрос с А.А. Абазой, ближайшим соратником министра внутренних дел. Так, по словам Абазы, «сильное правительство должно быть единодушным, и, следовательно, нужно нечто в роде «кабинета»; нужно, чтобы министры прямо докладывали государю только по предметам своего специального ведения, а по всем общим вопросам предварительно между собой совещались и соглашались, а в случае несогласия испрашивали высочайшего указания. Далее нужно, чтобы министры, по своим убеждения несогласные с внесенными мероприятиями, уходили, – а в случае неухода, – были увольняемы»¹²⁹. Что это, если не полноценное правительство, которого до этого в России не было? Причем правительство, обладающее достаточно обширными полномочиями. По крайней мере, так мы можем судить по словам А.А. Абазы, одного из представителей «либеральной партии».

Естественным образом не может не возникнуть вопрос: а будет ли у этого правительства председатель? Если да, то кто будет выступать в его роли: монарх или же один из представителей высшей бюрократии, входящий в это правительство? Каковы будут полномочия председателя? Все эти вопросы Лорис-Меликов в своем докладе оставляет без ответа. Его логика вполне понятна: у него не было уверенности, что он вообще останется у власти. Зачем же говорить что-то о председателе предлагаемого императору правительства, который, вероятно, даже на бумаге будет выглядеть серьезной политической фигурой, и в котором император вполне может разглядеть попытку М.Т. Лорис-Меликова создать для себя новую должность с как минимум не меньшими полномочиями, чем у него были до сих пор?

¹²⁹ Дневник графа П.А. Валуева 1877 – 1884 гг. Пг., 1919. С. 161.

Таким образом, выдвигая идею об образовании однородного правительства, министр внутренних дел фактически ставил перед императором необходимость выбора между двумя соперничающими сторонами: «либеральной партией» и К.П. Победоносцевым. От того, в чью пользу будет сделан царский выбор, во многом и должно было зависеть, какой облик примет новый правительственный курс. Кроме того, если бы выбор пал на «либеральную партию», Лорис-Меликов планировал как минимум укрепить, а то и усилить их власть путем создания «однородного» правительства.

В целом же доклад 12 апреля являлся продолжением развития программы М.Т. Лорис-Меликова. «Мы не располагаем сведениями о том, как реагировал Александр III на доклад Лорис-Меликова, однако непосредственным результатом его, по-видимому, явилось решение царя созвать совещание министров 21 апреля»¹³⁰, – пишет П. А. Зайончковский. Это совещание стало еще одним важным событием в ходе борьбы в «верхах» в первые месяцы царствования Александра III.

Исход нового совещания представлялся весьма важным, так как оно было «вызвано весьма серьезными объяснениями Лорис-Меликова с Государем о необходимости так или иначе выйти, наконец, из настоящей неизвестности и замкнутости»¹³¹. Судя по всему, представители «либеральной партии» придавали будущему совещанию министров едва ли не решающее значение, что во многом могло быть связано с поставленными на повестку дня вопросами. Наверное, во многом в связи с этим сановники, составляющие ядро «либеральной партии», еще до совещания предприняли попытки для обсуждения плана собственных действий. За день до совещания, 20 апреля, Д.А. Милютин записал в своем дневнике: «Вечером граф Лорис-Меликов и я съехались у Александра Аггеевича Абазы, чтобы предварительно обменяться мыслями насчет завтрашнего совещания. Граф Лорис-Меликов очень

¹³⁰ Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870 - 1880-х гг. М., 1964. С. 358.

¹³¹ Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1879 – 1881. М., 2010. С. 309-310.

разочарован; не предвидит ничего хорошего. Абаза советует завтра не вдаваться в обсуждение каких-либо частных вопросов, а стараться на первый раз установить правильное положение и круг деятельности министров, приняв за основание то убеждение, что сильная власть, столь необходимая при настоящих обстоятельствах, может быть проявлена единственно при том условии, если Государь окружит себя министрами, к которым имеет полное доверие и чрез которых мог бы действовать без всякого посредствующего влияния. Очевидно, здесь подразумевается зловерное вмешательство во все дела Победоносцева и других закулисных личностей. Я, со своей стороны, добавил, что кроме личного доверия Государя необходимо еще другое условие: чтобы министерство было однородное, чтобы все министры действовали в одном смысле, а не противудействовали один другому»¹³². Готовился к заседанию и Победоносцев, стараясь завербовать министра государственных имуществ Н.П. Игнатъева в качестве своего сторонника¹³³. Это позволяет сделать вывод, что обе стороны рассматривали совещание 21 апреля как наиважнейшее событие в их соперничестве.

На этом совещании, которое проходило в Гатчине, где тогда находился государь, присутствовало значительно меньше министров, нежели на заседании 8 марта. На этот раз состав министров выглядел следующим образом: Лорис-Меликов, Абаза, Милютин, Игнатъев, Набоков, Николай и Победоносцев, присутствовал также и великий князь Владимир Александрович¹³⁴.

Вот как описывает совещание министров его непосредственный участник Д.А. Милютин: «Государь открыл совещание... Прежде всего он обратился к графу Лорис-Меликову, который весьма толково и ловко изложил свое мнение о необходимости дальнейшего развития и довершения начатых в прошлое царствование реформ. После него была моя очередь: я подтвердил

¹³² Там же. С. 310-311.

¹³³ Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870 - 1880-х гг. М., 1964. С. 360.

¹³⁴ Там же. С. 358.

соображения графа Лорис-Меликова и развил их... После меня Государь обратился к графу Игнатьеву, который говорил почти в том же смысле, подтвердив общую мысль частными примерами. Затем Александр Аггеевич Абаза... доказывал весьма смело и категорично, что действительная сила правительства выражается не «в кулаках», не в полицейском произволе, а в единстве и сплоченности министерства, в твердости плана его действий, в доверии Государя к своим ближайшим советникам и органам... Затем барон Николаи довольно долго и скучно развивал тему о необходимости действий систематических, без увлечений и без произвола. Министр юстиции Набоков также говорил о предстоящих по судебной части улучшениях и необходимости продолжения реформ»¹³⁵.

Примерно о таком же исходе заседания сообщают в своих дневниковых записях Е.А. Перетц¹³⁶ и П.А. Валуев¹³⁷, непосредственно не участвовавшие в заседании 21 апреля, но узнавшие о нем со слов А.А. Абазы. Иной выглядит ситуация в воспоминаниях Н.П. Игнатьева, в которых он утверждает, что выступил против предложения о создании «однородного» правительства, после чего М.Т. Лорис-Меликов будто даже ему сказал: «Ты, брат, нам все дело испортил»¹³⁸. Однако нам кажется, что в этой ситуации не стоит доверять графу Игнатьеву, так как эти записи он делал постфактум, уже после провала предложений «либеральной партии» и увольнения ее представителей. Разумеется, Игнатьев был заинтересован в том, чтобы не показывать в своих воспоминаниях своей солидарности с мерами, отвергнутыми государем. Но если бы так произошло на самом деле, то почему никто из других участников совещания этого не заметил? По крайней мере, Д.А. Милютин, Е.А. Перетц и П.А. Валуев (оба – со слов А.А. Абазы), писавшие о заседании сановников в Гатчине «по горячим следам», представляют нам позицию Игнатьева в ином

¹³⁵ Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1879 – 1881. М., 2010. С. 311-313.

¹³⁶ Дневник Е.А. Перетца (1880-1883). М.-Л., 1927. С. 62-65.

¹³⁷ Дневник графа П.А. Валуева 1877 – 1884 гг. Пг., 1919. С. 161-163.

¹³⁸ Игнатьев Н.П. Отрывок из воспоминаний. Без названия, без начала, без конца // Игнатьев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000. С. 42. С. 72-73.

свете. Вероятно, не стоит удивляться этой «неточности» в воспоминаниях графа – нам известно мнение многих современников о Н.П. Игнатъеве как не о самом честном человеке¹³⁹.

Таким образом, никто из 6 выступивших министров не высказался против предлагаемых мер, напротив, большинство из них выступили открыто за их реализацию. После этого уже стало ясно, что большинство вновь на стороне сторонников программы М.Т. Лорис-Меликова. Однако не высказали своего мнения еще 2 человека: К.П. Победоносцев и великий князь Владимир Александрович.

Как видно из источников, великий князь Владимир Александрович не высказывался касательно условий, предложенных Лорис-Меликовым. Он выступил с предложением об учреждении центральной следственной комиссии по делам о государственных преступлениях, и этот проект решили рассмотреть позже. А вот Победоносцев говорил непосредственно о предложениях министра внутренних дел. Как видно из дневника Милютин, все от него ждали речи, похожей на ту, что он произнес на совещании 8 марта. Однако этого не случилось, новое выступление Победоносцева достаточно серьезно отличалось от слов, сказанных им 8 марта. Не без некоторого удивления, охватившего тогда также и других членов «либеральной партии», Дмитрий Алексеевич Милютин пишет: «Он заговорил совсем иным языком, чем в достопочтенном совещании 8-го марта; он даже начал было с того, что разделяет высказанные всеми прочими мнения о необходимости дальнейшего улучшения в государственном строе; но вслед за тем сбился на свои нравоучения и прочел проповедь о правде, честности, ответственности и т.д.»¹⁴⁰. О том, что речь Победоносцева носила во многом примиренческий характер, свидетельствуют и его собственные слова из письма Е. Ф. Тютчевой от 27 апреля 1881 г.: «Я заявил, что нельзя не согласиться в общем смысле со

¹³⁹ Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990. С. 62. Дневник Е.А. Перетца (1880-1883). М.-Л., 1927. С. 22. Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы. 1848-1896. М., 1991. С. 197.

¹⁴⁰ Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютин. 1879 – 1881. М., 2010. С. 313.

всем, что говорили остальные, - о единодушии, о доверии, о необходимости организовать многое дезорганизованное...»¹⁴¹.

В конце совещания «Государь выразил свое желание, чтобы министры собирались по мере надобности для предварительных между собой совещаний по вопросам общего государственного интереса, дабы тем достигнуть желаемого единства в действиях...»¹⁴². Такое заявление императора, как и в целом примирительный тон выступления К.П. Победоносцева произвели на представителей «либеральной» бюрократии положительный эффект. У них сложилось впечатление, будто обер-прокурор Синода добровольно вышел из борьбы за влияние на политику Александра III, что не могло не стать предлогом для образования «однородного министерства», к которому они так стремились. На эти же мысли наталкивало и вышеупомянутое заявление императора. «Сегодняшнее совещание, – пишет Д.А. Милютин, - оказалось успешнее, чем мы ожидали. В нем высказалось совершенно непривычное для нас единство в общем взгляде министров»¹⁴³. А вот что можно прочесть о совещании 21 апреля в дневнике у Е.А. Перетца, лично там не присутствовавшего, но описавшим его со слов А.А. Абазы: «Абаза считает, что наступило полное торжество Лориса и его», в то время как Победоносцев был «истерт в порошок»¹⁴⁴. Вот как описывает радость своих оппонентов по окончании заседания обер-прокурор Синода в том же письме к Е.Ф. Тютчевой: «Как только мы вышли из комнаты, точно очарование спало. Между министрами показалась внезапная оттепель. Абаза едва не бросился на шею мне – так рад, что недоразумение кончено! Пошли завтракать, стали рассказывать анекдоты... Они ехали туда в страхе, не прогонят ли их. Вернулись с торжеством невообразимом и стали говорить, что одержали блестящую победу. Над кем это? Надо мною или над государем? Пароль дан

¹⁴¹ Первые недели царствования императора Александра III. Письма К.П. Победоносцева из Петербурга в Москву к Е.Ф. Тютчевой. Русский архив. 1907. №5. С. 98.

¹⁴² Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1879 – 1881. М., 2010. С. 313.

¹⁴³ Там же. С. 314.

¹⁴⁴ Дневник Е.А. Перетца (1880-1883). М.-Л., 1927. С. 65.

такой, что я посрамлен и победа одержана надо мною»¹⁴⁵. Однако оказалось, что К.П. Победоносцев и не думал сдаваться.

На государя заседание министров 21 апреля произвело тягостное впечатление. Вечером того же дня он пишет К.П. Победоносцеву: «Сегодняшнее наше совещание сделало на меня грустное впечатление. Лорис, Милютин и Абаза положительно продолжают ту же политику и хотят так или иначе довести нас до представительного правительства, но пока я не буду убежден, что для счастья России это необходимо, конечно, этого не будет, я не допущу... Более и более убеждаюсь, что добра от этих министров я ждать не могу»¹⁴⁶. Ю. В. Готье, оценивая значимость этого письма, называет его первой фазой зарождения манифеста 29 апреля¹⁴⁷.

В этой связи интересен следующий момент. Как уже отмечалось, в период между 8 марта и 21 апреля 1881 г. М.Т. Лорис-Меликов не явил никаких новых идей касательно «народного представительства», то есть привлечения представителей общества к законосовещательной деятельности, как эта мера называется в его проекте. Никто из членов «либеральной партии» не менял (по крайней мере, публично) своего взгляда на будущность самодержавной власти в России – каждый из них выступал за ее сохранение, против попыток ее ограничить. И еще в самом начале, 8 марта было понятно, что император не симпатизирует предложениям министра внутренних дел. Так почему же он решил отвергнуть их только теперь, в конце апреля 1881 г.?

10 марта 1881 г., вскоре после первого заседания сановников, народовольцами было распространено 2-3 тысячи экземпляров письма Исполнительного комитета «Народной воли» к Александру III¹⁴⁸. Разумеется, ознакомился с его содержанием и сам адресат. В нем среди прочего народовольцы озвучили свои требования к новому императору, одно из

¹⁴⁵ Первые недели царствования императора Александра III. Письма К.П. Победоносцева из Петербурга в Москву к Е.Ф. Тютчевой. Русский архив. 1907. №5. С. 99.

¹⁴⁶ К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Минск, 2003. Т. 1. С. 40.

¹⁴⁷ Готье Ю. В. Борьба правительственных группировок и манифест 29 апреля 1881 г. // Исторические записки. М., 1938. Т. 2. С. 287.

¹⁴⁸ Твардовская В.А. Александр III // Российские самодержцы. 1801-1917. М., 1993. С. 238-239.

которых звучало следующим образом: «созыв представителей от всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни и переделки их сообразно с народными желаниями»¹⁴⁹. То есть, таким образом, народовольцы, совсем недавно убившие отца Александра III, которых он, безусловно, считал преступниками, призывали его согласиться на народное представительство и ограничение самодержавной власти (или же и вовсе ее упразднение). Еще одним безусловно важным событием марта 1881 г. стал судебный процесс над первомаковцами. Наибольший резонанс произвели выступления подсудимых, о содержании которых, как и о ходе процесса в целом, император был хорошо осведомлен¹⁵⁰. Первомаковцы кроме всего прочего высказывались и о своих политических убеждениях. Так, например Н. Кибальчич говорил о необходимости смены политической системы, что должно было привести к «народоправлению»¹⁵¹. С. Перовская также высказалась в защиту народного представительства¹⁵². О необходимости ограничения самодержавной власти говорил и А. Желябов¹⁵³. Н. Рысаков сказал, что не признает себя членом «Народной воли» и имеет отличные от народовольцев воззрения, а именно считает конституционную монархию еще большим злом, нежели неограниченную монархию¹⁵⁴. Из чего следовало, что народовольцы должны считать наибольшим злом именно монархию неограниченную. Таким образом, четверо из пяти первомаковцев (за исключением Т. Михайлова, он не противоречил другим, но просто говорил несколько о иных вещах¹⁵⁵) открыто заявили, что одна из главных политических установок народовольцев – учреждение народного представительства и ограничение или даже упразднение самодержавной власти. Собственно, в этом нет ничего удивительного. Самым первым пунктом

¹⁴⁹ Письмо Исполнительного комитета к Александру III // Литература партии «Народной воли». М., 1907. С. 454.

¹⁵⁰ Мясников А.Л. Александр III. М., 2016. С. 321.

¹⁵¹ Суд над царубийцами. Дело 1-го марта 1881 года. СПб., 2014. Т. 1. С. 61, 62, 64.

¹⁵² Там же. С. 66-67.

¹⁵³ Там же. С. 68.

¹⁵⁴ Там же. С. 55.

¹⁵⁵ Там же. 58-59.

в программе Исполнительного комитета «Народной воли» значится «постоянное народное представительство...имеющее полную власть во всех общегосударственных вопросах»¹⁵⁶.

Итак, на основании вышеизложенного мы можем сделать вывод, что Александр III был хорошо осведомлен о политических воззрениях и политических целях народовольцев, убивших его отца. Нам кажется, что в идеях народовольцев император вполне мог увидеть родство с предложениями М.Т. Лорис-Меликова. Конечно, проект министра внутренних дел отличался куда большей умеренностью. Взять хотя бы куда более осторожное отношение его автора к идее выборности представителей общества, а также акцентирование внимания на законосовещательных функциях создаваемых комиссий. Тем не менее, как мы уже упоминали, даже это не помешало императору увидеть в предложениях Лорис-Меликова столь непереносимую для него «конституционность»¹⁵⁷. Невольно встает вопрос: а столь ли серьезной была граница между предложениями М.Т. Лорис-Меликова и идеями народовольцев в глазах императора? Не повлияла ли информация, почерпнутая Александром III из письма к нему Исполнительного комитета «Народной воли» и политических высказываний первоапрельцев во время судебного процесса, на его отношение к программе министра внутренних дел? Ю.А. Сафронова показала, что в те дни многие консервативно настроенные представители общественности не видели особой разницы между политическими программами террористов и «либералов»¹⁵⁸. Разве мы можем быть уверены, что император, также настроенный весьма консервативно, не размышлял в подобном ключе?

Более того, в середине апреля Лорис-Меликов заявляет императору о необходимости создания «однородного» правительства. Что это будет за правительство? Какие у него будут полномочия? Каким образом эта мера

¹⁵⁶ Программа Исполнительного комитета // Народная воля. 1880. №3 // Литература партии «Народной воли». М., 1907. С. 84.

¹⁵⁷ Дневник Е.А. Перетца (1880-1883). М.-Л., 1927. С. 33.

¹⁵⁸ Сафронова Ю.А. Русское общество в зеркале революционного террора. 1879-1881 годы. М., 2014. С. 146.

будет связана с уже известными ранее предложениями министра внутренних дел? Ответа на эти вопросы М.Т. Лорис-Меликов в своем докладе от 12 апреля не давал. Но это же не значит, что император не мог думать об этом.

Таким образом, нам кажется, что в промежуток между 8 марта и 21 апреля 1881 г. предложения М.Т. Лорис-Меликова были окончательно дискредитированы в глазах императора, так как он вполне мог проследить их связь (в своем понимании) с идеями народовольцев. Более того, в это время появляется еще одно предложение Лорис-Меликова, связанное с необходимостью образования «однородного» правительства. По указанным выше причинам вряд ли император мог отнестись к этой идее с симпатией. Также важно отметить, что в своем докладе министр внутренних дел сам связал создание правительства и привлечение представителей населения к законосовещательной деятельности в единый комплекс необходимых мер. Как две части одного целого, видимо, воспринимал эти предложения и сам Александр, что должно было только усиливать его неприязнь к проекту. Так, например, мы видим, как он объединяет эти меры в письме К.П. Победоносцеву от 21 апреля, говоря о «представительном правительстве». Одним словом, 21 апреля государь мог иметь если не кардинально иное, то значительно отличающее представление о предложениях М.Т. Лорис-Меликова по сравнению с тем, какими он воспринимал их 8 марта.

К.П. Победоносцев, получив письмо императора и правильно оценив ситуацию, сразу же начал действовать. В период с 21 по 29 апреля он написал Александру III 4 письма. Мысли и предложения, которые в них содержались, во многом и решили исход борьбы двух соперничающих сторон.

Письмо от 23 апреля обер-прокурора Синода к императору содержит такие строки: «Смею думать, ваше императорское величество, что для успокоения умов в настоящую минуту необходимо было бы от имени вашего обратиться к народу с заявлением твердым, не допускающим никакого

двоемыслия. Это ободрило бы всех прямых и благонамеренных людей»¹⁵⁹. Через два дня, 25 апреля, Победоносцев отправляет государю еще одно письмо, в котором пишет следующее: «Вчера я писал вашему величеству о манифесте и не отстаю от этой мысли. Состояние нерешительности не может длиться – в таком случае оно будет губительно. А если принять решение, то необходимо высказаться. Я сижу второй день, обдумывая проект манифеста, посоветуюсь с графом С.Г. Строгановым и представлю на ваше усмотрение»¹⁶⁰. Вот что можно прочитать в письме царю от 26 апреля: «Спешу представить вашему величеству выработанную мною редакцию манифеста, в коей каждое слово мною взвешенно. По моему убеждению, редакция эта совершенно соответствует потребности настоящего времени... Смею сказать еще: нет надобности и советоваться о манифесте и о редакции. Дело ясное до очевидности само по себе: я боюсь, что если призовутся советники, то многие из них скажут: Зачем?.. Манифесту следует, кажется, быть данным из Петербурга, 29 апреля»¹⁶¹. Таким образом, за несколько дней К.П. Победоносцев фактически окончательно решил исход дела: им была проявлена инициатива об издании государем нового манифеста, им был этот манифест непосредственно написан и отправлен императору, и им же были назначены место и дата опубликования манифеста.

А главные представители «либеральной партии» тем временем активно включились в деятельность уже в рамках так называемого «однородного» правительства (или, скорее, его изначального прототипа), не подозревая, что события «складывались совершенно иначе, нежели это представлялось им самим»¹⁶². 28 апреля министры в том же составе, что и на гатчинском заседании 21 апреля, собрались на совещание у графа Лорис-Меликова для обсуждения наиболее актуальных проблем. После того, как совещание кончилось, и уехал великий князь Владимир Николаевич, министр юстиции

¹⁵⁹ Письма Победоносцева к Александру III. М., 1926. Т. 1. С. 328.

¹⁶⁰ Там же. С. 330-331.

¹⁶¹ Там же. С. 331-333.

¹⁶² Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870 - 1880-х гг. М., 1964. С. 367.

Набоков показал оставшимся печатный оттиск манифеста, который должен был быть опубликован на следующий день, 29 апреля. Представители «либеральной» бюрократии пришли в смятение: «Такая неожиданная новость, — пишет в своем дневнике Д.А. Милютин, — поразила нас, как громом: какой манифест? Кем он изготовлен? С кем советовался Государь? Сконфуженный Победоносцев объявил, что это произведение его пера...»¹⁶³. Не замедлила себя ждать и реакция сторонников Милютина: «Граф Лорис-Меликов и Абаза в сильных выражениях высказали свое негодование и прямо заявили, что не могут оставаться министрами. Я присоединился к их мнению»¹⁶⁴.

На следующий день, 29 апреля, в Санкт-Петербурге был опубликован высочайший Манифест императора Александра III, в котором он заявлял о незыблемости самодержавной власти¹⁶⁵. Это подразумевало отклонение всех предложений графа Лорис-Меликова и означало полное поражение «либеральной партии». Д.А. Милютин записал в этот день в своем дневнике следующие строки: «Пресловутый манифест явился в прибавлении к «Правительственному вестнику». Говорят, он всех озадачил: толпа спрашивает — в чем дело? К чему и о чем манифест? Другие говорят, будто срывали даже манифест со стен. Граф Лорис-Меликов сказал мне на параде, что решился сегодня же послать письмо Государю с просьбой об увольнении от должности... Абаза намерен поступить одинаково с графом Лорис-Меликовым: не ехать в пятницу с докладом, а послать завтра письмо к Государю с просьбой об увольнении»¹⁶⁶. Император достаточно быстро удовлетворил просьбы об отставке обоих министров¹⁶⁷. Милютин также подал прошение об отставке, однако оно было принято значительно позже — император освободил министра от занимаемой должности только в конце мая, не желая связывать его увольнение с событиями развернувшейся борьбы

¹⁶³ Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1879 – 1881. М., 2010. С. 318.

¹⁶⁴ Там же. С. 319.

¹⁶⁵ ПСЗРИ. Собрание третье. Т. 1. №118. С. 53-54. СПб., 1885.

¹⁶⁶ Там же. С. 320.

¹⁶⁷ Готье Ю. В. Борьба правительственных группировок и манифест 29 апреля 1881 г. // Исторические записки. М., 1938. Т. 2. С. 295.

правительственных группировок в марте – апреле 1881 г., демонстрируя таким образом особое уважение к военному министру, долго и верно служившего на благо России¹⁶⁸.

Таким образом, к концу апреля 1881 г. представители «либеральной» бюрократии потерпели полное поражение. Каковы же были причины этого?

Одной из главных и основных причин являются политические воззрения императора. Александр III зашел на престол уже будучи взрослым человеком с устоявшимися взглядами. Он проявлял явную симпатию к самодержавной форме правления, с опаской и неприязнью относился к тому, что обобщенно можно назвать «конституционными веяниями». В предложении Лорис-Меликова Александр видел именно шаг по направлению к конституционному правлению, о чем открыто заявлял. Уже эта причина сама по себе выглядит достаточно серьезной и может в определенной степени объяснить логику дальнейшего развития событий. Однако были и другие причины.

Одной из них является то невыгодное положение, в котором оказался М.Т. Лорис-Меликов весной 1881 г. Во-первых, его деловой репутации был нанесен серьезный ущерб в связи с убийством Александра II, так как важнейшей задачей министра внутренних дел было как раз недопущение такого развития событий. Кроме того, полностью дискредитированными оказались идеи графа в связи с их возможной близостью к идеям народовольцев в представлении императора, что могло стать наиболее очевидным для него как раз в марте 1881 г. Наконец, и Лорис-Меликов явно принимал не самые удачные решения. Конечно, он оказался в исключительно непростой ситуации, в которой шансы на успех для него представлялись минимальными. Он был вынужден брать инициативу в свои руки, форсировать события. Такой попыткой стал доклад графа Александру III 12 апреля 1881 г. М.Т. Лорис-Меликов с его помощью попробовал вынудить императора пойти на озвученные им предложения, однако прогадал – эффект

¹⁶⁸ Там же. С. 298-299.

оказался противоположным. Александр III окончательно решил отвергнуть идеи Лорис-Меликова. Одним из ключевых просчетов министра внутренних дел стало предложение (или требование?) создать «однородное» правительство, явно не нашедшее сочувствия у государя.

Наконец, еще одной причиной поражения Лорис-Меликова и его сторонников из числа «либеральной» бюрократии стали личные мотивы, в частности – отношение к морганатической жене Александра II Е.М. Юрьевской. Очень хорошо известно, что в последний год жизни Александра II представители будущей «либеральной партии» выстроили хорошие личные отношения с Юрьевской, рассматривая ее в качестве важного агента влияния на императора (в частности, так можно сказать о М.Т. Лорис-Меликове¹⁶⁹ и А.А. Абазе¹⁷⁰, к Д.А. Милютину это относится в меньшей степени¹⁷¹). Александр Александрович же, как и его жена Мария Федоровна, относились к Юрьевской явно враждебно¹⁷². Причины такого отношения очевидны. Они заключались в том, что Александр II, едва дождавшись официального окончания траура по Марии Александровне, обвенчался с Е.М. Юрьевской, что воспринималось в семье наследника весьма болезненно¹⁷³. Не менее унижительной для наследника была ситуация, когда еще при жизни уже серьезно больной императрицы (которую будущий Александр III искренне любил) Александр II распорядился о переезде Е.М. Юрьевской вместе с их детьми в Зимний дворец. По словам жены К.П. Победоносцева Екатерины Александровны, «над самими покоями императрицы, прямо над ее головой бегали и топотали ножками дети кн. Юрьевской, которую император поместил жить во дворец, и Мария Александровна не имела покоя даже последние дни своей жизни»¹⁷⁴. С легкостью можно представить, что с учетом этих

¹⁶⁹ Дневник Е.А. Перетца (1880-1883). М.-Л., 1927. С. 22.

¹⁷⁰ Сафронова Ю.А. Екатерина Юрьевская. Роман в письмах. СПб., 2017. С. 271.

¹⁷¹ Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1879 – 1881. М., 2010. С. 233, 235-236.

¹⁷² Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990. С. 50. Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1879 – 1881. М., 2010. С. 235-236.

¹⁷³ Сафронова Ю.А. Екатерина Юрьевская. Роман в письмах. СПб., 2017. С. 229, 234.

¹⁷⁴ РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 29. Л. 15.

обстоятельств мог думать наследник о налаживающем отношении с Юрьевской графе Лорис-Меликове, выступавшем, к тому же, наиболее активным сторонником коронации княгини¹⁷⁵.

Таким образом, несовпадение политических взглядов, а также ряд ошибочных решений, принятых «либеральной партией» весной 1881 г. (и особенно ее лидером М.Т. Лорис-Меликовым) стали основными причинами их поражения. Кроме того, не стоит сбрасывать со счетов и причины личного характера, способные серьезным образом влиять на отношения между людьми.

¹⁷⁵ Сафронова Ю.А. Екатерина Юрьевская. Роман в письмах. СПб., 2017. С. 271.

Глава 2. Правительственная борьба в период пребывания Н.П. Игнатъева на посту министра внутренних дел (май 1881 – май 1882 гг.)
§ 1. «Возвышение» Н.П. Игнатъева в марте-апреле 1881 г.

Большая часть службы Н.П. Игнатъева прошла на внешнеполитическом поприще. За долгое время своей насыщенной дипломатической карьеры он успел побывать военным атташе в Лондоне, возглавил военно-дипломатическую миссию в Хиву и Бухару, был уполномоченным в Китае, некоторое время являлся директором Азиатского департамента МИД России. Однако наиболее известен «турецкий» отрезок дипломатической службы Игнатъева – он являлся российским послом в Константинополе с 1867 г. по 1877 г. и сыграл главную роль в разработке условий и заключении Сан-Стефанского мирного договора. Однако дипломатическая карьера Н.П. Игнатъева прервалась после Берлинского конгресса 1878 г. Он был вынужден отойти от внешнеполитических дел и с 1879 г. по 1880 г. занимал достаточно скромную должность генерал-губернатора Нижнего Новгорода во время проведения ярмарок.

Казалось, пик служебной карьеры Игнатъева уже остался позади. Тем более удивительным выглядит его назначение в конце марта 1881 г. министром государственных имуществ. Назначение это произошло в самый разгар борьбы в «верхах» за влияние на молодого императора. Многие историки, в числе которых и авторы наиболее подробных исследований этого периода Ю.В. Готье и П.А. Зайончковский, склонны рассматривать данное назначение в контексте правительственной борьбы между министром внутренних дел М.Т. Лорис-Меликовым и обер-прокурором Синода К.П. Победоносцевым, одним из проявлений которой на данном этапе стало соперничество за влияние на кадровую политику¹⁷⁶. В данной ситуации

¹⁷⁶ Готье Ю.В. Борьба правительственных группировок и манифест 29 апреля 1881 г. // Исторические записки. М., 1938. Т. 2. С. 271-272. Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х годов. М., 1964. С. 334-335.

принципиально важной выглядит задача выяснить, от кого же исходила инициатива назначения графа Игнатьева на пост министра государственных имуществ. Это помогло бы установить, какая из двух противоборствующих сторон первоначально рассчитывала на Игнатьева, или, вполне вероятно, даже выяснить, на кого в тот момент мог ориентироваться новый министр государственных имуществ, на Лорис-Меликова или же на Победоносцева.

В исторической литературе господствует мнение, что Н.П. Игнатьев изначально являлся креатурой К.П. Победоносцева¹⁷⁷. Ввиду дальнейшего развития событий¹⁷⁸ данная точка зрения выглядит вполне убедительной. Но так ли это было на самом деле?

Первым делом обратимся к мемуарам графа Игнатьева, чтобы подробнее рассмотреть, как он сам смотрит на свое назначение министром государственных имуществ. Вот что он пишет по этому поводу: «23 марта Лорис заехал ко мне и сообщил, что князь Ливен увольняется от Министерства государственных имуществ и что государю желательно привлечь меня в состав правительства и что по всей вероятности я буду назначен, и он просил меня не отказываться»¹⁷⁹. Как видно, инициатива назначения Игнатьева на пост министра государственных имуществ приписывается императору. Влияли ли кто-то на Александра при принятии этого решения из данного сообщения не ясно. Но стоит принять к сведению одну важную деталь – если верить Игнатьеву, Лорис-Меликов просил его не отказываться от назначения, то есть, судя по всему, относится к этой идее благосклонно.

Государственный секретарь Е.А. Перетц в своем дневнике, говоря о назначениях Игнатьева на пост министра государственных имуществ и барона Николаи на пост министра просвещения, утверждает, что «обе перемены совершились под влиянием Лориса»¹⁸⁰. Надо учесть, что на посту министра

¹⁷⁷ Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х годов. М., 1964. С. 335-336. Толмачев Е.П. Александр III и его время. М., 2007. С. 226. Хевролина В.М. Николай Павлович Игнатьев. М., 2009. С. 332.

¹⁷⁸ Поражение «либеральной партии», отставка М.Т. Лорис-Меликова и назначение на его место Н.П. Игнатьева, в котором многие исследователи видят ставленника К.П. Победоносцева.

¹⁷⁹ Игнатьев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000. С. 69.

¹⁸⁰ Дневник Е.А. Перетца (1880-1883). М.-Л., 1927. С. 54.

государственных имуществ Н.П. Игнатъев заменил А.А. Ливена. Судя по дневниковым записям В.А. Бильбасова о Совете министров 8 марта 1881 г., составленным им по рассказу М.Т. Лорис-Меликова, министра внутренних дел по итогам заседания сложилось впечатление о князе Ливене как о противнике его проекта¹⁸¹. Вполне естественно предположить, что именно Лорис-Меликов мог быть заинтересован в замене князя Ливена другим сановником, более лояльным к нему.

В дневнике Е.А. Перетца можно также найти другое любопытное известие, подтверждающее, как кажется, наше предположение о том, что фигура Н.П. Игнатъева вполне могла устраивать М.Т. Лорис-Меликова. Так, он пишет, что великий князь Константин Николаевич сообщил, будто «по словам Игнатъева, покойный государь, еще в декабре прошлого года, призывал его к себе и предложил ему пост министра народного просвещения»¹⁸². Однако Игнатъев был вынужден отказаться, так как не был знаком с учебной частью. О том же пишет и сам Игнатъев в своих воспоминаниях, однако здесь инициатором подобного предложения выступает уже не Александр II, а Лорис-Меликов: «Лорис предложил мне было Министерство народного просвещения. Я отказался...»¹⁸³. Через несколько дней, если верить Игнатъеву, Лорис-Меликов предложил ему быть министром путей сообщения, но и здесь граф отказался, ссылаясь на свою некомпетентность в данной области¹⁸⁴. Как видим, помимо собственного рассказа Игнатъева у нас в распоряжении имеются еще сведения, сообщаемые великим князем Константином Николаевичем, которые тот узнал от того же Игнатъева. Отметим при этом, что информация Константина Николаевича вступает в некоторое противоречие с тем, о чем пишет Игнатъев (в первом случае инициатором предложения Николаю Павловичу занять министерский

¹⁸¹ Совет министров 8 марта 1881 года. Рассказ графа Лорис-Меликова В.А. Бильбасову // 1 марта 1881 г. По неизданным материалам. Пг., 1918. С. 192.

¹⁸² Дневник Е.А. Перетца (1880-1883). М.-Л., 1927. С. 56-57.

¹⁸³ Игнатъев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000. С. 67.

¹⁸⁴ Там же.

пост выступает император, во втором – министр внутренних дел). Несмотря на то, что относиться к этой информации надо осторожно, отвергнуть ее мы не можем, так как не имеем в своем распоряжении источника, который бы ее опровергал. Поэтому стоит задаться вопросом: если Н.П. Игнатъев сообщил правдивую информацию, то почему Лорис-Меликов, если инициатором предложений был действительно он, не мог предложить Игнатьеву пост министра государственных имуществ ровно так же, как он предлагал ему до этого посты министра народного просвещения и министра путей сообщения? Вряд ли бы М.Т. Лорис-Меликов предлагал занять несколько раз министерские посты человеку, которому не доверял. Тогда возможная рекомендация Лорис-Меликова к назначению Игнатьева министром государственных имуществ, вопреки утверждению П.А. Зайончковского¹⁸⁵, вовсе не выглядит странной. Более того, подтверждением именно такого развития событий является запись в дневнике государственного секретаря Е.А. Перетца, сделанная со слов А.А. Абазы, который был ближайшим соратником министра внутренних дел в этот период. Перетц прямым текстом пишет о том, что Лорис «предложил Игнатьева государю в министры государственных имуществ, вместо князя Ливена, увольнение которого уже было решено»¹⁸⁶.

Как, однако, у ряда исследователей могло сложиться мнение, будто назначение Игнатьева министром государственных имуществ инициировал именно Победоносцев? Вполне возможно, что главным источником подобного рода предположений могла послужить запись Д.А. Милютин в своем дневнике от 16 марта 1881 г. Военный министр, рассказывая о встрече с М.Т. Лорис-Меликовым, сообщает, что тот обеспокоен усилением влияния Победоносцева, вокруг которого складывается партия единомышленников: «к нему льнут всякие личности, желающие всплыть по новому течению. В числе таких, к удивлению, является и граф Николай Павлович Игнатъев»¹⁸⁷. Сам этот

¹⁸⁵ Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х годов. М., 1964. С. 339.

¹⁸⁶ Дневник Е.А. Перетца (1880-1883). М.-Л., 1927. С. 57.

¹⁸⁷ Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютин. 1879 – 1881. М., 2010. С. 289.

факт не является основанием для того, чтобы непременно приписывать Игнатьева в сторонники Победоносцева. Тем не менее, наличие усиливавшейся близости между К.П. Победоносцевым и Н.П. Игнатьевым, если верить Милютину, налицо. Подтверждение теплого отношения обер-прокурора Синода к Н.П. Игнатьеву можно найти в его письме императору от 6 марта 1881 г., в котором он рекомендует убрать Лорис-Меликова с занимаемой им должности, а вместо него назначить именно Игнатьева, так как «он имеет еще здоровые инстинкты и русскую душу, и имя его пользуется доброй славой у здоровой части русского населения»¹⁸⁸. Александр III в своем ответе К.П. Победоносцеву заявляет, что полностью разделяет высказанные им идеи¹⁸⁹. Конечно, в письме содержались не только мысли касательно смены Лорис-Меликова на Игнатьева, но стоит предположить, что и благоприятное отношение обер-прокурора к бывшему дипломату император вполне разделял. Подтверждением этого, на наш взгляд, является известие П.А. Валуева касательно отношения Александра к Игнатьеву: «Государь сказал о графе Игнатьеве, что хорошо, что он у дел, потому что «настоящий коренной русский»¹⁹⁰. Валуев внес это сообщение в дневник уже во второй половине апреля, но, на наш взгляд, суть дела это вряд ли меняет. Как видим, отношение императора к Игнатьеву в полной мере созвучно отношению К.П. Победоносцева. По мнению П.А. Зайончковского, такая ситуация сложилась в результате общности политических взглядов Игнатьева с политическими взглядами Победоносцева и Александра III. Подтверждением этого может являться записка Н.П. Игнатьева от 12 марта 1881 г., излагающая программу правительственной деятельности. Идеи, высказанные в ней, вполне импонировали взглядам молодого царя и «его идейного руководителя», как считает известный историк¹⁹¹. И именно это, заключает П.А. Зайончковский,

¹⁸⁸ Письма Победоносцева к Александру III. М., 1926. Т. 1. С. 316-317.

¹⁸⁹ К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. 1. Мн., 2003. С. 34.

¹⁹⁰ Дневник графа П.А. Валуева 1877 – 1884 гг. Пг., 1919. С. 161.

¹⁹¹ Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х годов. М., 1964. С. 338.

стало причиной назначения графа Игнатьева министром государственных имуществ.

С такой точкой зрения, однако, не согласен современный историк И.В. Лукоянов. По его мнению, в своей записке «Игнатьев не предлагал отказаться от преобразований, готовящихся Лорис-Меликовым. Скорее, наоборот, он заявлял о необходимости широкого вовлечения «земских людей» в обсуждение всех государственных проблем, о подготовке реформы местной власти, надеясь заменить бюрократическое средостение между царем и народом на «земское»¹⁹². О схожести ряда идея Н.П. Игнатьева с идеями М.Т. Лорис-Меликова говорит и А.Ю. Полунов¹⁹³.

П.А. Зайончковский считает, что Александр III был знаком с этой запиской Игнатьева, благодаря чему уверился в мысли о схожести их политических взглядов¹⁹⁴. Нам же кажется, что это маловероятно, учитывая схожесть некоторых идей Игнатьева с идеями Лорис-Меликова, к которым государь относился явно негативно, если не сказать враждебно. В случае прочтения записки Игнатьева реакция Александра, вполне возможно, вряд ли была бы однозначно положительной.

Тем не менее, император верил в схожесть своих политических взглядов и политических взглядов Н.П. Игнатьева, именно этим, возможно, и следует объяснять возвышение последнего весной 1881 г. И если источником этой убежденности было не знакомство с запиской Игнатьева, то что тогда? Нам представляется, что влияние на царя в этом вопросе могло оказать положительное мнение об Игнатьеве Победоносцева, которое отражено, в частности, в его письме от 6 марта. Вероятно, обер-прокурор Синода тоже был знаком с взглядами Н.П. Игнатьева лишь частично, лишь с той их стороной, которая была созвучна его собственной политической позиции. Однако, как

¹⁹² Лукоянов И.В. Н.П. Игнатьев и его воспоминания // Игнатьев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000. С. 24.

¹⁹³ Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010. С. 177.

¹⁹⁴ Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х годов. М., 1964. С. 338.

нам кажется, это вовсе не означает, что К.П. Победоносцев каким-либо образом способствовал назначению Н.П. Игнатьева министром государственных имуществ. Более того, в одном из своих писем Е.Ф. Тютчевой он прямо заявляет, что назначение Игнатьева на этот пост – сюрприз для него, он его явно не ожидал¹⁹⁵.

Таким образом, на наш взгляд, было бы правильно говорить о наличии доверия обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева к Н.П. Игнатьеву в интересующий нас промежуток времени. Источником этого доверия, как отмечают исследователи, вполне могла стать убежденность Победоносцева в схожести их с Игнатьевым политических взглядов. Эта убежденность вскоре обнаружилась и у императора, скорее всего, не без определенного воздействия со стороны обер-прокурора. Это повлияло на назначение Игнатьева министром государственных имуществ. Однако интересно, что К.П. Победоносцев к этому назначению не имел никакого отношения. Зато ряд источников указывает на то, что к нему причастен был М.Т. Лорис-Меликов.

Нам кажется очень непростой задачей выяснить, инициировал ли министр внутренних дел это назначение лично. Источники дают по этому поводу противоречивые сведения: если Д.А. Милютин сообщает информацию, которая, по идее, не должна была способствовать повышению доверия Лорис-Меликова к Игнатьеву¹⁹⁶, то Е.А. Перетц прямо указывает на то, что Игнатьев – креатура министра внутренних дел. Сложно сказать, так ли это было на самом деле. Однако точно удастся увидеть достаточно лояльное отношение Лорис-Меликова к происходящей кадровой замене. Быть может, причиной этого явилась его надежда привлечь, несмотря ни на что, нового министра государственных имуществ в число своих сторонников, так как обнаружилась некоторая схожесть их политических взглядов¹⁹⁷, о чем Лорис-Меликов

¹⁹⁵ Готье Ю.В. Борьба правительственных группировок и манифест 29 апреля 1881 г. // Исторические записки. М., 1938. Т. 2. С. 275.

¹⁹⁶ Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1879 – 1881. М., 2010. С. 289.

¹⁹⁷ Лукоянов И.В. Н.П. Игнатьев и его воспоминания // Игнатьев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000. С. 24.

вполне мог знать. Или же Лорис-Меликов просто считал, что нужно сменить А.А. Ливена, противника его идей, на кого-то более надежного и лояльного. Таким человеком в глазах министра внутренних дел вполне мог быть Игнатъев, который, по словам Е.А. Перетца, «очень ухаживал на Лорисом»¹⁹⁸ незадолго до упомянутого назначения. Так или иначе, налицо следующий вывод: в конце марта 1881 г. Н.П. Игнатъев вызывал благосклонное отношение к себе как со стороны императора, так и со стороны двух главных соперников развернувшейся борьбы в «верхах», что во многом и позволило ему получить должность министра государственных имуществ.

Войдя в правительство 25 марта 1881 г., Н.П. Игнатъев застал второй и одновременно решающий этап борьбы в среде высшей бюрократии. Вольно или невольно, но он должен был принять в ней участие, пусть и не самое активное. Какую позицию занял Игнатъев и как это повлияло на его дальнейшую карьеру государственного служащего? Вот вопросы, на которые нам представляется важным попытаться дать ответ.

Безусловно, одним из важнейших событий второго этапа борьбы стало совещание министров 21 апреля 1881 г. в Гатчине. Хотя на него были вызваны и не все члены правительства, Н.П. Игнатъев на нем присутствовал. Приглашение на гатчинское заседание было получено министром государственных имуществ от М.Т. Лорис-Меликова¹⁹⁹. Однако вряд ли стоит видеть в этом доказательство того, что министр внутренних дел непременно хотел видеть Н.П. Игнатъева на совещании, так как считал его своим сторонником. Такое же приглашение на совещание в Гатчине, например, получил от М.Т. Лорис-Меликова и К.П. Победоносцев²⁰⁰, которого уж точно не назовешь идейным соратником графа.

Судя по информации из дневника Д.А. Милютина, первоначальный состав участников все же был составлен М.Т. Лорис-Меликовым, который

¹⁹⁸ Дневник Е.А. Перетца (1880-1883). М.-Л., 1927. С. 57.

¹⁹⁹ Игнатъев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000. С. 71.

²⁰⁰ К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. 1. Мн., 2003. С. 75.

планировал помимо собственного участия, а также приглашения А.А. Абазы, Д.А. Милютинина, А.П. Николаи, Н.П. Игнатъева, К.П. Победоносцева и великого князя Владимира Александровича позвать в Гатчину еще как минимум двух сановников – управляющего вторым отделением императорской канцелярии С.Н. Урусова и председателя Комитета министров П.А. Валуева. Однако их кандидатуры были отвергнуты государем²⁰¹. Также на совещание не был приглашен великий князь Константин Николаевич. Не хотел звать в Гатчину Александр и министра юстиции Набокова, однако по настоянию Победоносцева все же сделал это²⁰².

Как видим, на заседании 21 апреля, если не считать Набокова, за которого ходатайствовал Победоносцев, император пожелал видеть всего лишь семерых человек. Вызов Победоносцева, Милютинина, Лорис-Меликова и Абазы, на наш взгляд, вполне понятен, так как они являлись главными лицами «либеральной» бюрократии на тот момент. Каждый из них был фигурой довольно влиятельной, поэтому недавно зашедший на престол и не вполне еще освоившийся император вряд ли мог игнорировать их кандидатуры, даже если он этого и хотел. Приглашение великого князя Владимира Александровича, на наш взгляд, также не является чем-либо странным, так как речь идет о брате Александра III, которому тот, судя по всему, вполне доверял. А вот на приглашение еще двух человек, Н.П. Игнатъева и А.П. Николаи, стоит, как нам кажется, обратить внимание. Почему государь позвал именно этих двух недавно назначенных министров, в то время как «за бортом» гатчинского совещания остались многие авторитетные и давно находившиеся у власти сановники? На наш взгляд, Александр III мог не пригласить Урусова, Валуева, великого князя Константина Николаевича и еще целый ряд других участников заседания 8 марта потому, что чувствовал их близость к идеям и предложениям М.Т. Лорис-Меликова²⁰³, которые сам не разделял. А Игнатъев

²⁰¹ Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютинина. 1879 – 1881. М., 2010. С. 309.

²⁰² Письма Победоносцева к Александру III. М., 1926. Т. 1. С. 326-327.

²⁰³ Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х годов. М., 1964. С. 331-332.

и Николаи вполне могли быть приглашены в качестве «противовеса» основным представителям «либеральной партии», не считаться с мнением которых император себе еще не мог позволить²⁰⁴. Если наше предположение верно, то мы можем сделать вывод, что по прошествии почти что месяца после своего назначения министром государственных имуществ Н.П. Игнатьев продолжал вызывать доверие императора, который благосклонно к нему относился. Не случайно мы находим в дневнике графа Валуева сообщение об удовлетворенности царя тем, что Игнатьев находится «у дел», как раз в конце апреля²⁰⁵.

Если расположение императора к графу осталось неизменным, то не произошло ли перемен в отношении к нему лидеров двух противоборствующих группировок в период с 25 марта до 21 апреля? Мы не располагаем непосредственной информацией о том, как складывались отношения Н.П. Игнатьева с М.Т. Лорис-Меликовым и К.П. Победоносцевым в течение этого месяца, однако некоторые сведения по этому поводу можно извлечь, ознакомившись с подготовлением обеих «партий» к совещанию 21 апреля. Один из активных участников «либеральной» группировки Д.А. Милютин сообщает в своем дневнике, что он, М.Т. Лорис-Меликов и А.А. Абаза съехались за день до гатчинского совещания, чтобы договориться об общей тактике действий²⁰⁶. Из этого мы можем сделать вывод, что Н.П. Игнатьев за месяц своего нахождения в правительстве не стал членом «либеральной партии», так как не был посвящен в ее замыслы и явно не участвовал в планировании путей их осуществления.

Зато у нас есть основания утверждать, что имели место контакты Игнатьева с лидером «консервативной партии» К.П. Победоносцевым. Подтверждением этого служит письмо обер-прокурора Синода министру государственных имуществ от 20 апреля, то есть отправленное за день до

²⁰⁴ Там же. С. 333.

²⁰⁵ Дневник графа П.А. Валуева 1877 – 1884 гг. Пг., 1919. С. 161.

²⁰⁶ Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1879 – 1881. М., 2010. С. 310.

гатчинского совещания. В нем Победоносцев пишет следующее: «Зовут нас завтра в Гатчину, а что же там будем говорить, я право не знаю. Лорис-Меликов хотел было созвать сходку, а теперь уклоняется. Сговориться бы с вами»²⁰⁷. Вряд ли обер-прокурор Синода выступал бы с таким предложением, если бы не был уверен, что Игнатъев на его стороне. Быть может, эта уверенность сохранилась у Победоносцева с начала марта, когда он предлагал императору заменить Лорис-Меликова на посту министра внутренних дел Игнатъевым²⁰⁸, а может, были основания для укрепления этой уверенности в течение первого месяца пребывания Н.П. Игнатъева в правительстве. Точно утверждать этого мы не можем, но сам факт наличия такого письма показателен.

Нам не известно, состоялась ли встреча К.П. Победоносцева с Н.П. Игнатъевым, и если да, то договорились ли они о чем-нибудь, но на гатчинском заседании министр государственных имуществ поддержал, скорее, Лорис-Меликова, а не обер-прокурора Синода. По крайней мере, именно так позицию Игнатъева на заседании представляет Д.А. Милютин в своем дневнике²⁰⁹. Сообщение самого Игнатъева о данном заседании вызывает большой интерес. Согласно его мемуарам, именно Игнатъев не позволил воплотиться в жизнь замыслу «либералов», подвергнув сомнению их намерение собираться на совещания у великого князя Владимира Александровича, и предложил проводить их у министра внутренних дел, чем, по выражению М.Т. Лорис-Меликова, спутал им все карты²¹⁰. По мнению И.В. Лукоянова, Н.П. Игнатъев таким образом «серьезно ослабил позиции Лорис-Меликова и Абазы, а, возможно, нанес им и решающий удар», не позволив образоваться альянсу великого князя с несколькими ключевыми министрами, который мог бы вполне претендовать на то, чтобы контролировать

²⁰⁷ Цит. по: Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х годов. М., 1964. С. 360.

²⁰⁸ Письма Победоносцева к Александру III. М., 1926. Т. 1. С. 316-317.

²⁰⁹ Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1879 – 1881. М., 2010. С. 312.

²¹⁰ Игнатъев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000. С. 72-73.

правительство²¹¹. Как бы то ни было, нужно констатировать факт: Игнатъев, если он действительно и сорвал важный план «либеральной партии», то сделал это ненамеренно, о чем свидетельствует и он сам²¹². Кроме того, Н.П. Игнатъев также замечает, что это никак не повлияло на его хорошие отношения с М.Т. Лорис-Меликовым²¹³.

По мнению И.В. Лукоянова, гатчинское совещание стало определяющим для Н.П. Игнатъева в плане его политической ориентации: поняв вероятное поражение «либералов», он выбрал путь сближения с К.П. Победоносцевым²¹⁴. И.В. Лукоянов считает, что видимым проявлением сближения Игнатъева с Победоносцевым стала их солидарность по вопросу о снижении выкупных платежей, поднимавшемуся 27 апреля на заседании Государственного совета. Сложилось такое ощущение и у одного из участников заседания, государственного секретаря Е.А. Перетца. По словам Перетца, для него стало понятно, что «Игнатъев дезертировал из лагеря Лориса, которому он обязан своим назначением в министры и к взглядам которого совершенно подходит по своим убеждениям»²¹⁵.

В ряде дневников высших сановников того времени даже можно найти упоминание о том, что Игнатъев, якобы, участвовал в написании Манифеста 29 апреля²¹⁶. Получила признание такая точка зрения и среди некоторых историков²¹⁷. Однако сам граф, как видно из его мемуаров, узнал о манифесте тогда же, когда и другие министры, то есть на их совещании 28 апреля, не имея представления о процессе его подготовки обер-прокурором Синода²¹⁸. Это же подтверждает и письмо К.П. Победоносцева царю, в котором он пишет, что

²¹¹ Лукоянов И.В. Н.П. Игнатъев и его воспоминания // Игнатъев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000. С. 31.

²¹² Игнатъев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000. С. 73.

²¹³ Там же.

²¹⁴ Лукоянов И.В. Н.П. Игнатъев и его воспоминания // Игнатъев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000. С. 32.

²¹⁵ Дневник Е.А. Перетца (1880-1883). М.-Л., 1927. С. 68.

²¹⁶ Дневник Е.А. Перетца (1880-1883). М.-Л., 1927. С. 69. Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1879 – 1881. М., 2010. С. 324. Дневник графа П. А. Валуева 1877 – 1884 гг. Пг., 1919. С. 164.

²¹⁷ Толмачев Е.П. Александр III и его время. М., 2007. С. 230. Власть и реформы: от самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 341.

²¹⁸ Игнатъев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000. С. 77.

кроме графа Строганова никто не знает о подготовке манифеста²¹⁹. Если учесть доверительный тон переписки Победоносцева с императором и достоверность сообщаемых обер-прокурором фактов, то вряд ли стоит предполагать, что в этот раз Победоносцев по какой-то причине решил обмануть Александра.

Таким образом, мы подошли к моменту издания Манифеста 29 апреля, после чего подаст в отставку М.Т. Лорис-Меликов, и пост министра внутренних дел окажется вакантным, но ненадолго – вскоре его займет Н.П. Игнатъев. Как же он прошел путь к этому назначению, всего лишь месяц назад до этого заняв, казалось бы, не самый значимый пост министра государственных имуществ? Вышло так, что граф Игнатъев обладал очень важным преимуществом – вызывал доверие к себе как со стороны императора, так и со стороны двух лидеров противоборствующих правительственных группировок, что, возможно, было связано с верой каждого из них в родство их собственных политических взглядов с взглядами Игнатъева. После назначения министром государственных имуществ граф не получил предложения со стороны лидеров «либеральной партии» присоединиться к ним, в то время как К.П. Победоносцев старался «завербовать» Н.П. Игнатъева как своего сторонника. Игнатъев, тем не менее, не спешил «завербовываться», что видно по позиции, занятой им на гатчинском совещании. Он занял выжидательную позицию, стремился сориентироваться в нестабильной обстановке с приобретением наибольшей выгоды для себя. Игнатъев «стоял разными ногами в разных лагерях»²²⁰, по меткому выражению П.А. Валуева. Однако после совещания 21 апреля он, видимо, понимая или же обладая информацией о том, что «либералы» идут к неминуемому поражению, начинает сближение с К.П. Победоносцевым, пусть и еще слабо выраженному. Как оказалось в дальнейшем, это был верный шаг, который стал дополнительным аргументом в пользу Н.П. Игнатъева при выборе кандидата на вакантный пост министра внутренних дел.

²¹⁹ Письма Победоносцева к Александру III. М., 1926. Т. 1. С. 331.

²²⁰ Дневник графа П.А. Валуева 1877 – 1884 гг. Пг., 1919. С.164.

§ 2. Положение Н.П. Игнатьева в сановной среде в мае 1881 г. – феврале 1882 г.

После опубликования Манифеста 29 апреля М.Т. Лорис-Меликов подал в отставку с поста министра внутренних дел, которая в скором времени была удовлетворена²²¹. Встал вопрос о его преемнике. Если верить В.П. Мещерскому, то сам Лорис-Меликов хотел видеть таковым своего товарища (заместителя) М.С. Коханова и будто бы даже рекомендовал его императору²²². Тем не менее, назначен на освободившуюся должность был Н.П. Игнатьев²²³, причем назначение это было для многих вполне ожидаемо²²⁴. Не отрицая в такой кадровой замене определенную роль К.П. Победоносцева (так, он рекомендовал поменять Лорис-Меликова на Игнатьева еще в начале марта, а после того, как это все-таки случилось в конце апреля – начале мая, обер-прокурор Синода отнесся к такому решению с явным одобрением²²⁵), нам представляется верным утверждать, что главным инициатором этого решения стал сам император. Судя по имеющимся в нашем распоряжении источникам, Александр после увольнения М.Т. Лорис-Меликова ни с кем не советовался по поводу того, кого стоит выбрать его преемником. Причиной назначения Игнатьева вполне могло стать укрепившееся доверие к нему государя за те два месяца, которые граф провел на посту министра государственных имуществ, что мы пытались показать в предыдущей главе. Судя по всему, Александр III оставался уверен в схожести собственных политических воззрений с взглядами Игнатьева: «его близкие связи и симпатия к славянскому миру, его роль сполна, так сказать, славянофильского направления, сблизившая его с Москвой, где это направление имело свои гнезда и таких ярких людей, как

²²¹ Готье Ю. В. Борьба правительственных группировок и манифест 29 апреля 1881 г. // Исторические записки. М., 1938. Т. 2. С. 295.

²²² Мещерский В.П. Воспоминания. М., 2003. С. 602-603.

²²³ К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. 1. Мн., 2003. С. 55.

²²⁴ Так, еще до отставки М.Т. Лорис-Меликова о возможной замене его Н.П. Игнатьевым говорит Е.А. Перетц, а сразу после отставки - Д.А. Милютин. См.: Перетц Е.А. Дневник (1880-1883). М.-Л., 1927. С. 68. Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1879 – 1881. М., 2010. С. 321.

²²⁵ Письма Победоносцева к Александру III. М., 1926. Т. 1. С. 316-317, 338.

Аксаков, все это вместе придавало ему ореол не только славянофила, но представителя русской политики, и именно этим последним соображением объяснялся выбор Государя, которому молва приписывала стремление народной русской политики»²²⁶, – так характеризовал это В.П. Мещерский.

Подтверждением того, что император действительно разделял многие идеи славянофилов, может служить его разговор с женой И.С. Аксакова, одного из главных идеологов этого направления, А.Ф. Аксаковой, в котором он прямо ей сказал, что сочувствует идеям ее мужа, а его самого назвал настоящим русским²²⁷. Александр III знал, что Игнатъев близок по воззрениям к Аксакову²²⁸, и даже точно так же называл его «настоящим коренным русским»²²⁹. Поэтому сближение императора с Н.П. Игнатъевым на почве схожести их славянофильских взглядов не может вызывать сомнений. И это, на наш взгляд, стало одной из важнейших причин назначения именно Игнатъева на пост министра внутренних дел, который официально вступил в свои обязанности в начале мая 1881 г.

В исторической литературе нет единого мнения касательно степени самостоятельности проводимой Н.П. Игнатъевым политики на посту министра внутренних дел. По мнению П.А. Зайончковского, «уже с первых дней своего министерства он оказывается под сильным влиянием синодального обер-прокурора»²³⁰, который буквально направлял деятельность Игнатъева по многим вопросам деятельности его министерства. Однако современный историк И.В. Лукоянов не согласен с такой точкой зрения. Проанализировав переписку Игнатъева с Победоносцевым, он пришел к выводу, что «министр внутренних дел, конечно, с вниманием относился к просьбам и пожеланиям всесильного советчика Александра III, но далеко не все из них выполнял. А большая часть действий Игнатъева за время его министерства вообще не была

²²⁶ Мещерский В.П. Воспоминания. М., 2003. С. 603.

²²⁷ Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания, дневник. 1853-1882. Тула, 1990. С. 337.

²²⁸ Там же.

²²⁹ Дневник графа П. А. Валуева 1877 – 1884 гг. Пг., 1919. С. 161.

²³⁰ Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х годов. М., 1964. С. 381.

предметом обсуждения с Победоносцевым. В конце концов, вся предшествующая карьера Игнатьева свидетельствовала, что он был менее всего склонен действовать под чью бы то ни было диктовку, так что «говорить о «влиянии» Победоносцева на Игнатьева надо со значительной долей условности»²³¹.

Похожим образом расценивали ситуацию и современники событий, хорошо знавшие особенности графа Игнатьева. Так, например, Е.А. Перетц в своем дневнике после замены Лорис-Меликова на Игнатьева написал следующие строки: «от происшедшей перемены Победоносцев едва ли будет в выигрыше. Он воображает, что Игнатьев пойдет у него на буксире. Я думаю, он сильно ошибается»²³².

Несомненно, сложно сделать однозначный вывод о степени влияния обер-прокурора Синода на министра внутренних дел. Но нам все же кажется, что говорить о том, что Победоносцев определял политику Игнатьева, судя по всему, не стоит. Граф обладал определенной долей самостоятельности в своих действиях.

Первым действием Игнатьева на новом посту стал циркуляр губернаторам, опубликованный 6 мая во всех газетах²³³. В этом документе он провозглашал основные задачи, стоящие отныне перед правительством. Среди них требование защищать самодержавие и призыв к искоренению крамолы, борьбе с казнокрадством и мобилизации власти. Помимо этого, документ обещал не ущемлять прав земского и городского самоуправления и пригласить «сведущих» людей для обсуждения местных нужд²³⁴. Циркуляр Игнатьева произвел удивительный эффект: «содержанием циркуляра остались удовлетворены как «либералы», так и «охранители». Первые расценили циркуляр как попытку смягчить «победоносцевский» манифест 29 апреля, а

²³¹ Лукоянов И.В. Н.П. Игнатьев и его воспоминания // Игнатьев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000. С. 36-37.

²³² Дневник Е.А. Перетца (1880-1883). М.-Л., 1927. С. 71.

²³³ Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х годов. М., 1964. С. 384.

²³⁴ Там же. С. 384-386.

вторые были довольны твердыми фразами о защите устоев самодержавия»²³⁵. Таким образом, уже с самого начала своей деятельности на новом посту Н.П. Игнатъев стремится получить поддержку и у либерально, и у консервативно настроенных общественных сил, старается вновь устоять разными ногами в двух лагерях, как писал о его политической манере действий П.А. Валуев²³⁶. Однако не все складывалось для Игнатъева гладко. Уже совсем скоро у него в бюрократической среде появились достаточно влиятельные противники.

К.П. Победоносцев в начале мая, сразу же после назначения Н.П. Игнатъева на новый пост, высказывал императору опасение, что министр внутренних дел может «не сойтись» с петербургским градоначальником Н.М. Барановым²³⁷. Обер-прокурор Синода, человек проницательный, и на сей раз оказался прав – Игнатъев с Барановым действительно «не сошлись». «И Баранов, и Игнатъев отличались амбициозностью, вели себя как два медведя в одной берлоге»²³⁸. Министр внутренних дел так описывал причину возникшего между ними с градоначальником конфликта: «казенными деньгами он распоряжался расточительно, не желая давать точного ответа в их употреблении, постоянно хитрил и пугая преувеличенными опасностями, пытался меня забрать в руки»²³⁹. Кроме того, Баранов стремился повысить степень своего влияния на внутреннюю политику, для чего намеревался создать для себя особое Министерство полиции, вывести его из компетенции Министерства внутренних дел. Безусловно, такой ход событий не мог устроить Н.П. Игнатъева, который не собирался уступать Н.М. Баранову в таком принципиальном вопросе²⁴⁰. Для обсуждения вопроса о создании Министерства полиции была образована специальная комиссия, которая стала на сторону министра внутренних дел. Это грозило дальнейшей карьере

²³⁵ Горинов М.М. Государственная и общественная деятельность графа Н.П. Игнатъева (1879-1908 гг.) Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2007. С. 105.

²³⁶ Дневник графа П. А. Валуева 1877 – 1884 гг. Пг., 1919. С.164.

²³⁷ Письма Победоносцева к Александру III. М., 1926. Т. 1. С. 339.

²³⁸ Лукоянов И.В. Н.П. Игнатъев и его воспоминания // Игнатъев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000. С. 42.

²³⁹ Игнатъев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000. С. 88.

²⁴⁰ Горинов М.М. Государственная и общественная деятельность графа Н.П. Игнатъева (1879-1908 гг.) Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2007. С. 110.

Баранова на его посту, поэтому за петербургского градоначальника незамедлительно вступился Победоносцев, пытавшийся повлиять на Александра III, который, однако, согласился с доводами комиссии и тоже встал на сторону Игнатьева²⁴¹. Отдельное Министерство полиции, таким образом, создано не было, а Баранов был переведен на должность архангельского губернатора²⁴². Н.П. Игнатьев в противостоянии с петербургским градоначальником вышел безусловным победителем.

На наш взгляд, на основании описанных событий можно сделать следующие заключения. Во-первых, в конфликте между Игнатьевым и Барановым Победоносцев без колебаний принял сторону последнего, который, как отмечают историки, несомненно являлся его ставленником²⁴³. Нам кажется уместным предположить, что если бы обер-прокурор Синода ставил Игнатьева с Барановым на одну планку как собственных протеже, то он вряд ли бы высказался с такой искренностью в защиту одного из них, то есть Баранова, а искал бы, пожалуй, компромиссный выход из сложившейся ситуации или же, на крайний случай, поддержал бы петербургского градоначальника в более мягкой форме, стараясь не ущемить и интересов Игнатьева. Он, однако, этого не сделал. Это может быть лишним подтверждением нашей мысли о достаточно незначительном влиянии К.П. Победоносцева на министра внутренних дел.

Во-вторых, мы видим, как император однозначно высказался в поддержку Н.П. Игнатьева, идя при этом наперекор своему наставнику, что немаловажно. И.В. Лукоянов даже делает на этом основании вывод, что «конфликт вокруг Баранова продемонстрировал... что летом 1881 г. суммарный политический вес Игнатьева и Воронцова-Дашкова (он также

²⁴¹ Письма Победоносцева к Александру III. М., 1926. Т. 1. С. 345, 350-351.

²⁴² Горинов М.М. Государственная и общественная деятельность графа Н.П. Игнатьева (1879-1908 гг.) Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2007. С. 110.

²⁴³ Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х годов. М., 1964. С. 305. Лукоянов И.В. Н.П. Игнатьев и его воспоминания // Игнатьев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000. С. 41. Горинов М.М. Государственная и общественная деятельность графа Н.П. Игнатьева (1879-1908 гг.) Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2007. С. 110.

поддержал Игнатьева, - прим. авт.) был больше, чем у Победоносцева»²⁴⁴. Так или иначе, факт значительного доверия Александра III к Игнатьеву налицо.

Несмотря на то, что в споре с Н.М. Барановым И.И. Воронцов-Дашков (министр императорского двора) встал на сторону Н.П. Игнатьева, его отношения с министром внутренних дел были далеки от идеальных. Е.А. Перетц в своем дневнике сообщает о взаимной неприязни двух министров²⁴⁵. Игнатьев, судя по всему, видел в Воронцове-Дашкове серьезного конкурента, который с момента вступления на престол Александра III набирал влияние при дворе не менее стремительно, чем он сам²⁴⁶. Скорее всего, причиной недовольства Игнатьева Воронцовым-Дашковым стало стремление министра императорского двора «перетянуть» часть игнатьевских полномочий в компетенцию «Священной дружины» (тайная организация, созданная в марте 1881 г. с целью борьбы с революционерами неформальными методами), «желавшей в сущности захватить власть и влияние в свои руки»²⁴⁷, по словам самого Игнатьева. Одним из руководителей «Священной дружины» и, возможно, главным инициатором этих действий как раз и был Воронцов-Дашков²⁴⁸.

Многие исследователи сходятся во мнении, что приобрести таким образом влияние И.И. Воронцов-Дашков планировал, действуя за спиной у П.А. Черевина, главного начальника императорской охраны и также одного из руководителей «Священной дружины»²⁴⁹, который поставил вопрос об изъятии из Министерства внутренних дел Департамента государственной полиции и Отдельного корпуса жандармов - они должны были оказаться в его собственном подчинении, что, фактически, означало бы переход их в ведение

²⁴⁴ Лукоянов И.В. Н.П. Игнатьев и его воспоминания // Игнатьев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000. С. 43.

²⁴⁵ Дневник Е.А. Перетца (1880-1883). М.-Л., 1927. С. 85.

²⁴⁶ Горинов М.М. Государственная и общественная деятельность графа Н.П. Игнатьева (1879-1908 гг.) Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2007. С. 117.

²⁴⁷ Игнатьев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000. С. 148.

²⁴⁸ Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х годов. М., 1964. С. 398.

²⁴⁹ Лукоянов И.В. Н.П. Игнатьев и его воспоминания // Игнатьев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000. С. 44. Горинов М.М. Государственная и общественная деятельность графа Н.П. Игнатьева (1879-1908 гг.) Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2007. С. 118-119. Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х годов. М., 1964. С. 398.

«Священной дружины», то есть, по сути, Воронцова-Дашкова. Н.П. Игнатъев, разумеется, выступил резко против. Ситуация накалилась до такой степени, что в Петербурге даже стали ходить слухи о возможной отставке министра внутренних дел²⁵⁰. Как показал П.А. Зайончковский, первоначально царь склонялся к тому, чтобы принять предложение Черевина, однако в ход дела вмешался Победоносцев, вставший на сторону Игнатьева. Кроме того, свое достаточно крепкое положение в связи с доверием Александра решил использовать и Игнатъев, сообщив тому, что попросит увольнения от должности в случае победы точки зрения Черевина. В итоге император изменил свое решение, и проект начальника императорской охраны был отвергнут²⁵¹.

На наш взгляд, этот факт показателен. Он свидетельствует о том, что отношения Н.П. Игнатьева с К.П. Победоносцевым к концу 1881 г. (именно тогда произошел описанный выше случай) оставались партнерскими. Конечно, у Победоносцева могли быть и причины не желать усиления влияния Черевина, а вместе с ним и Воронцова-Дашкова. Тем не менее, поддерживать человека, с которым у него испортились отношения, обер-прокурор бы, скорее всего, не стал. Поэтому, на наш взгляд, вывод М.М. Горинова о том, что Победоносцев не простил Игнатьеву увольнения Баранова и с того момента «не упускал случая навредить министру внутренних дел в глазах Александра III»²⁵², не имеет под собой серьезных оснований. Стоит, таким образом, согласиться с мнением И.В. Лукоянова: репутации Игнатьева в глазах Победоносцева и императора в это время ничего не угрожало²⁵³.

Не сложилось хороших отношений у Н.П. Игнатьева и с товарищем министра, а затем и министром иностранных дел (с апреля 1882 г.) Н.К. Гирсом. Причина этого достаточно проста: Игнатъев пытался интриговать

²⁵⁰ Письма Победоносцева к Александру III. М., 1926. Т. 1. С. 356-357.

²⁵¹ Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х годов. М., 1964. С. 399-400.

²⁵² Горинов М.М. Государственная и общественная деятельность графа Н.П. Игнатьева (1879-1908 гг.) Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2007. С. 111.

²⁵³ Лукоянов И.В. Н.П. Игнатъев и его воспоминания // Игнатъев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000. С. 45-46.

против Гирса, чтобы, возможно, самому занять место Горчакова (министр иностранных дел до апреля 1882 г.)

По сведениям Е.А. Перетца, летом 1881 г. министр внутренних дел уговаривал собравшегося было в отставку А.М. Горчакова еще некоторое время не уходить со службы с целью дождаться удобного момента для того, чтобы занять пост министра иностранных дел самостоятельно, в обход Гирса²⁵⁴. Об этом же говорит и П.А. Валуев²⁵⁵. Судя по всему, перипетии внешней политики на самом деле занимали министра внутренних дел порой даже сильнее, чем сфера его собственной деятельности на тот момент²⁵⁶. Особое внимание он уделял вопросу об отношениях с Германией, так как считал ее главной виновницей неудачи России на Берлинском конгрессе, прервавшем его дипломатическую карьеру. Хорошо видна затаенная обида Игнатьева на результаты конгресса²⁵⁷ и желание их пересмотреть. Доказательством этого могут служить очевидное влияние министра внутренних дел на М.Д. Скобелева, выступившего в Париже перед сербскими студентами с антигерманской речью²⁵⁸, оскорбительная для Австрии игнатьевская статья в «Правительственном вестнике»²⁵⁹. Не оставляет Игнатьев и мысли о личном активном участии в российской дипломатии, о чем говорит его досада после того, как его не пригласили принять участие в данцигской встрече Александра III с Вильгельмом I²⁶⁰. Одним словом, «граф целенаправленно интриговал против Гирса»²⁶¹. Вовсе не удивительно, что после всего этого у Н.П. Игнатьева и Н.К. Гирса не сложилось теплых отношений.

²⁵⁴ Дневник Е.А. Перетца (1880-1883). М.-Л., 1927. С. 86.

²⁵⁵ Дневник графа П.А. Валуева 1877 – 1884 гг. Пг., 1919. С. 169.

²⁵⁶ Там же. С. 176.

²⁵⁷ Там же. С. 177.

²⁵⁸ Там же. С. 187.

²⁵⁹ Горинов М.М. Государственная и общественная деятельность графа Н.П. Игнатьева (1879-1908 гг.) Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2007. С. 120.

²⁶⁰ Дневник графа П.А. Валуева 1877 – 1884 гг. Пг., 1919. С. 174.

²⁶¹ Горинов М.М. Государственная и общественная деятельность графа Н.П. Игнатьева (1879-1908 гг.) Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2007. С. 119.

Не со всеми хорошие отношения удалось установить Игнатьеву и внутри собственного министерства. Так, из-за недопонимания с ним свой пост вынужден был оставить глава тюремного ведомства К.К. Грот²⁶². Одним из поводов конфликта стало несогласие графа Игнатьева с предложением Грота заменить сибирскую ссылку одиночным тюремным заключением, воплощение которого потребовало бы серьезных денежных расходов и увеличило бы нагрузку на государственный бюджет²⁶³. Министр внутренних дел отклонил проект Грота и не стал вносить его на рассмотрение в Государственный совет, что и предопределило отставку главы тюремного ведомства. Однако вполне вероятно, что истинные ее причины были связаны с властолюбием Игнатьева, желавшего контролировать тюремное ведомство. По крайней мере, таково объяснение самого Грота, нашедшее отражение в свидетельствах его современников²⁶⁴.

Вот некоторые, наиболее существенные примеры конфликтов, возникших у Н.П. Игнатьева на посту министра внутренних дел с другими сановниками. Рассмотрев их, а также ряд более мелких разногласий графа с коллегами по службе, М.М. Горинов приходит к выводу, что его положение в верхах было непрочным. «В Петербурге он не чувствовал твердой почвы под собой, был окружен людьми, которые ему не только не сочувствовали, но даже были враждебны. Либеральной «космополитической» интеллигенции он был непонятен. Чиновничество отталкивало его антибюрократизм. Оно было чуждо Игнатьеву и смотрело на него как на военного, случайного человека... Окружение царской семьи в Гатчине и Петергофе относилось враждебно к министру внутренних дел. В придворных сферах постоянно велись интриги против графа»²⁶⁵. Однако Игнатьев обладал доверием и поддержкой

²⁶² Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1882 – 1890. М., 2010. С. 32.

²⁶³ Горинов М.М. Государственная и общественная деятельность графа Н.П. Игнатьева (1879-1908 гг.) Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2007. С. 113.

²⁶⁴ Дневник Е.А. Перетца (1880-1883). М.-Л., 1927. С. 117. Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1882 – 1890. М., 2010. С. 32.

²⁶⁵ Горинов М.М. Государственная и общественная деятельность графа Н.П. Игнатьева (1879-1908 гг.) Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2007. С. 121-122.

императора²⁶⁶. Это, на наш взгляд, являлось самым важным и необходимым фактором для нахождения на его должности в самодержавном государстве, которым являлась Россия.

Поддержка Александра III делала Н.П. Игнатьева в глазах современников первым министром, влиятельным и всемогущим²⁶⁷. И чем дальше, тем больше ощущал себя таковым он сам. Так, например, зимой 1882 г. Игнатьев вторгается в компетенцию деятельности Государственного совета, пытается сделать то же самое по отношению к Комитету министров, что вызывает однозначно негативную реакцию руководителей этих ведомств²⁶⁸.

Конечно, напряженные отношения графа с многими сановниками не делали его положение устойчивее, однако в условиях сохранявшихся хороших отношений с императором все остальное отходило на второй план. Недаром Лорис-Меликов, которому сочувствовали многие министры, но идеи которого не разделял государь, был вынужден оставить свой пост. К весне 1882 г. Н.П. Игнатьев находился в прямо противоположном положении, что позволяло ему продолжать свою деятельность в должности министра внутренних дел.

²⁶⁶ Там же. С. 122.

²⁶⁷ Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1882 – 1890. М., 2010. С. 32.

²⁶⁸ Дневник Е.А. Перетца (1880-1883). М.-Л., 1927. С. 119-125.

§ 3. Проект созыва Земского собора. Увольнение Н.П. Игнатьева с поста министра внутренних дел.

Как уже было сказано, Н.П. Игнатьев мог оставаться на своем посту до тех пор, пока располагал доверием императора. Весной 1882 г. это доверие было подорвано. Исследователи единогласно сходятся во мнении, что причина этому – возникшая у министра внутренних дел идея о созыве Земского собора и то упорное стремление по претворению ее в жизнь, которое он обнаруживал²⁶⁹.

Нерешенным остается вопрос о том, каким образом Игнатьев пришел к мысли о необходимости созыва Земского собора. О его славянофильских взглядах было известно²⁷⁰. Однако образ мыслей Александра III и его наставника К.П. Победоносцева, выступавших против любого выборного начала, не мог быть неизвестен министру внутренних дел. Тем не менее, он все же приходит к беспрецедентной доселе в правящих кругах идее о созыве Собора²⁷¹.

Согласно версии самого Н.П. Игнатьева, мысль о необходимости созыва Земского собора пришла ему еще в 70-е гг. XIX в. Он говорил об этом с Александром II, который отнесся к предложению графа достаточно прохладно, но якобы «не возражал однако же против мысли, что при воцарении нового царя Собор мог быть созван ко времени венчания на царство в Москве»²⁷². Примерно тогда же, как утверждает Игнатьев, он имел беседу и с наследником престола, будущим императором Александром III. Из этого разговора граф вывел, что «Александр Александрович более расположен к древнерусским

²⁶⁹ Борисов А.В. Министры внутренних дел России. 1802 – октябрь 1917. СПб., 2001. С. 139-140. Лукоянов И.В. Н.П. Игнатьев и его воспоминания // Игнатьев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000. С. 47-64. Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х годов. М., 1964. С. 449-472. Горинов М.М. Государственная и общественная деятельность графа Н.П. Игнатьева (1879-1908 гг.) Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2007. С. 268-273. Толмачев Е.П. Александр III и его время. М., 2007. С.241-242.

²⁷⁰ Мещерский В.П. Воспоминания. М., 2003. С. 603. Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания, дневник. 1853-1882. Тула, 1990. С. 337.

²⁷¹ Лукоянов И.В. Н.П. Игнатьев и его воспоминания // Игнатьев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000. С. 47.

²⁷² Игнатьев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000. С. 94.

формам и соборному началу, чем Александр Николаевич»²⁷³. Информацию о разговорах Н.П. Игнатьева с двумя императорами о Земском соборе находим не только в его воспоминаниях. Так, например, в 1884 г., уже будучи членом Государственного совета, граф рассказывал эту же историю государственному секретарю А.А. Половцову²⁷⁴.

Если подобные разговоры с Александром II и Александром III действительно имели место, то можно сделать вывод, что мысль о Соборе возникла и укрепилась у Игнатьева еще задолго до его назначения министром внутренних дел.

Однако подобная точка зрения оспаривается П.А. Зайончковским. По мнению советского историка, идея созыва Земского собора была подана министру внутренних дел одним из ведущих представителей славянофильства И.С. Аксаковым. П.А. Зайончковский ссылается на письмо Аксакова к Игнатьеву от 10 января 1882 г., в котором Аксаков называет графа единственным представителем «национального исторического направления», характеризует сложившуюся в стране непростую обстановку и призывает Игнатьева к созыву Земского собора как к единственной мере, подходящей России для того, чтобы справиться с грозящей ей опасностью²⁷⁵. Точка зрения о внушении идеи о Земском соборе Игнатьеву Аксаковым нашла отражение и в воспоминаниях Е.М. Феоктистова²⁷⁶. Однако вразрез с мнением П.А. Зайончковского и информацией Е.М. Феоктистова идет сообщение Игнатьева в своих воспоминаниях о переданной им еще 18 апреля 1881 г. записке Лорис-Меликову, в которой Николай Павлович обращался к тогдашнему министру внутренних дел с идеей созыва Собора²⁷⁷. Факт наличия данной записки подтвердил современный историк М.М. Горинов²⁷⁸.

²⁷³ Там же. С. 95.

²⁷⁴ Дневник государственного секретаря А.А. Половцова. М., 2005. Т. 1. С. 185.

²⁷⁵ Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х годов. М., 1964. С. 452-453.

²⁷⁶ Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы. 1848-1896. М., 1991. С. 204.

²⁷⁷ Игнатьев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000. С. 98.

²⁷⁸ Горинов М.М. Государственная и общественная деятельность графа Н.П. Игнатьева (1879-1908 гг.) Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2007. С. 269.

Учитывая данные обстоятельства, нам представляется, что к мысли о Земском соборе Игнатъев пришел самостоятельно. Что касается письма Аксакова, то оно, судя по всему, стало поводом для начала активных действий со стороны министра внутренних дел для претворения в жизнь своей давнишней задумки.

Однако возникает вопрос: в чем была причина внезапной активизации Игнатъева в вопросе созыва Земского собора, ведь она произошла далеко не сразу, а только почти спустя год после его назначения министром внутренних дел. По мнению П.А. Зайончковского, «созыв Земского собора, по крайней мере данного, мыслился Игнатъевым лишь в демагогических целях – демонстрации «единения царя с народом», что должно было способствовать укреплению в крестьянстве веры в царя»²⁷⁹. Нам, однако, кажется, что дело было не совсем в этом.

Сам Н.П. Игнатъев главной причиной этого называет необходимость борьбы с революционным движением, чему должно было в том числе способствовать и проведение назревших экономических и административных преобразований. А так как чиновники высших государственных учреждений плохо осведомлены об истинных нуждах народа, необходимо услышать голос «земских людей», представителей различных регионов Российской империи²⁸⁰. Эту же причину подобных действий Игнатъева видят историки И.В. Лукоянов и М.М. Горинов²⁸¹. Однако, по их мнению, активизация подготовки министра внутренних дел к воплощению своей идеи в жизнь весной 1882 г. была вызвана другим обстоятельством.

В начале 1882 г. в Россию из Франции вернулся М.Д. Скобелев, произнесший, подстрекаемый Игнатъевым, незадолго до этого в Париже произведшую сильный эффект антигерманскую речь, как мы уже писали. На

²⁷⁹ Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х годов. М., 1964. С. 460.

²⁸⁰ Игнатъев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000. С. 98-101.

²⁸¹ Лукоянов И.В. Н.П. Игнатъев и его воспоминания // Игнатъев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000. С. 49-50. Горинов М.М. Государственная и общественная деятельность графа Н.П. Игнатъева (1879-1908 гг.) Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2007. С. 271.

тот момент обострение отношений с Германией явно не входило в планы российского правительства, поэтому речь Скобелева воспринималась многими в петербургском обществе в негативном свете²⁸². Министр внутренних дел старался разрядить атмосферу вокруг речи Скобелева и делал попытки смягчить его поступок в глазах Александра III²⁸³. Однако это, судя по всему, не очень помогло, а Игнатъев постепенно начал терять поддержку царя. Согласно записи, сделанной государственным секретарем Е.А. Перетцем в его дневнике 20 марта 1882 г., Игнатъев был «еще в силе, но кажется, что доверие к нему несколько уже поколебалось»²⁸⁴. Об этом свидетельствовали, в частности, ходившие слухи об отставке графа²⁸⁵. Таким образом, в марте влияние министра внутренних дел начало постепенно снижаться.

Н.П. Игнатъев это понимал и стремился восстановить утраченные позиции. Хорошим поводом для этого могла стать коронация, назначенная на весну 1883 г. Несмотря на то, что подготовка коронации была исключительной прерогативой министра императорского двора, то есть И.И. Воронцова-Дашкова, Н.П. Игнатъев стремился забрать ее в собственные руки, вновь повысив таким образом свой политический вес²⁸⁶. Однако добиться этого Игнатъеву никак не удавалось, о чем свидетельствует его сдержанное недовольство при описании действий Воронцова-Дашкова по подготовке к коронации, не согласованных с министром внутренних дел²⁸⁷.

И вот тогда, судя по всему, Игнатъев и вспомнил о своей идее о созыве Земского собора, о которой ему незадолго до этого еще раз напомнил И.С. Аксаков. Граф, под предлогом того, что среди народа распространились слухи о переделе земли, выдвинул идею о необходимости приурочить созыв Земского собора к императорской коронации, благодаря чему Александр III

²⁸² Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1882 – 1890. М., 2010. С. 28. Дневник Е.А. Перетца (1880-1883). М.-Л., 1927. С. 125. Дневник графа П.А. Валуева 1877 – 1884 гг. Пг., 1919. С. 183.

²⁸³ Дневник Е.А. Перетца (1880-1883). М.-Л., 1927. С. 125.

²⁸⁴ Там же. С. 129.

²⁸⁵ Переписка П.Д. Голохвастова с И.С. Аксаковым о Земском Соборе // Русский архив. М., 1913. №1. С. 95.

²⁸⁶ Лукоянов И.В. Н.П. Игнатъев и его воспоминания // Игнатъев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000. С. 50.

²⁸⁷ Игнатъев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000. С. 104.

смог бы обратиться с «прямым словом» к народу, опровергнув ходившие слухи и одновременно, таким образом, ограничив возможность революционной пропаганды в деревне²⁸⁸. И.В. Лукоянов считает, что организация созыва Земского собора во время коронации неизбежно передала бы ее подготовку в ведение Министерства внутренних дел, что и требовалось Н.П. Игнатьеву²⁸⁹.

Таким образом, именно желание увеличить несколько поколебленный политический вес и соперничество с Воронцовым-Дашковым за влияние стали самой главной причиной выдвижения Игнатьевым идеи о созыве Земского собора весной 1882 г.

Еще в своем письме от 10 января И.С. Аксаков предлагал министру внутренних дел помощь в разработке проекта созыва Земского собора со стороны своего идейного соратника П.Д. Голохвастова. В марте 1882 г. Голохвастов был назначен чиновником особых поручений при министре внутренних дел²⁹⁰. С этого момента начинается совместная работа Игнатьева с Голохвастовым по составлению соборного проекта.

Н.П. Игнатьев в своих воспоминаниях сообщает, что проект манифеста о созыве Собора был написан лично им, в то время как Голохвастов был нужен ему только для того, чтобы «потолковать с ним, посоветоваться относительно всех подробностей способа исполнения и поручить изыскания соборных актов в московском Главном архиве, а также приготовления полного собрания уже известных актов к напечатанию в течение лета»²⁹¹. Такая трактовка сложившегося положения, однако, вызывает определенные сомнения.

В своей переписке с И.С. Аксаковым П.Д. Голохвастов представляет иной вариант развития событий. Он прямо говорит о просьбе Игнатьева к нему составить проект и написать манифест, чем Голохвастов, собственно, и

²⁸⁸ Там же. С. 104-105.

²⁸⁹ Лукоянов И.В. Н.П. Игнатьев и его воспоминания // Игнатьев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000. С. 51.

²⁹⁰ Переписка П.Д. Голохвастова с И.С. Аксаковым о Земском Соборе // Русский архив. М., 1913. №1. С. 93.

²⁹¹ Игнатьев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000. С. 106.

заялся²⁹². В конце апреля И.С. Аксакову написала письмо жена П.Д. Голохвастова О.А. Голохвастова, в котором сообщила: «все, что муж пишет, гр. Игнатъев выдавал и выдает за «свое собственное»²⁹³. Нам представляется, что такая версия происходящего выглядит более предпочтительной. П.Д. Голохвастов, убежденный славянофил, долгое время до этого занимавшийся историей Земских соборов, был куда более осведомлен в подобных вопросах. Проект и манифест созыва Собора был составлен, видимо, именно им, Игнатъев лишь вносил некоторые правки. На этом сходятся все исследовавшие данный вопрос историки²⁹⁴.

Что касается самого проекта, то кратко его суть была изложена И.В. Лукояновым в своем исследовании: «министр внутренних дел предлагал собрать 3500-4000 депутатов, избранных от различных сословий общества, а также верхушку церкви и правительство. Более половины депутатов составляло крестьянство (около 2000-2500 человек). Рассаживаемый по 30 столам, чтобы облегчить контроль над присутствовавшими и исключить оппозиционность, Собор должен был выяснить настроения народа, выяснить и передать своим избирателям содержание царской речи, а также обсудить реформу местного управления, проект которой должен был быть подготовлен Кахановской комиссией. В случае, если обсуждение проекта затянулось бы, предполагалось оставить для разработки указанных вопросов небольшую комиссию из 30-40 человек, избранную Собором»²⁹⁵.

Игнатъев особенно подчеркивал, что созыв Земского собора не имеет ничего общего с западными конституционными формами представительства: «западноевропейские формы нам непригодны»²⁹⁶. Созыв Земского собора, по

²⁹² Переписка П.Д. Голохвастова с И.С. Аксаковым о Земском Соборе // Русский архив. М., 1913. №1. С. 94-95.

²⁹³ Там же. С. 103.

²⁹⁴ Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х годов. М., 1964. С. 457. Лукоянов И.В. Н.П. Игнатъев и его воспоминания // Игнатъев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000. С. 53. Горинов М.М. Государственная и общественная деятельность графа Н.П. Игнатъева (1879-1908 гг.) Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2007. С. 270.

²⁹⁵ Лукоянов И.В. Н.П. Игнатъев и его воспоминания // Игнатъев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000. С. 53.

²⁹⁶ Игнатъев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000. С. 93.

его мнению, нисколько не затронет основ самодержавия, а, наоборот, еще сильнее укрепит их. В России политику определяет бюрократическая олигархия, которая далека от народа, его истинных нужд и интересов. Созыв Собора поможет императору напрямую узнать чаяния простых людей, позволит наладить более эффективное управление страной в обход петербургской бюрократии²⁹⁷.

Разработка проекта велась в обстановке секретности. На первых порах, если верить П.Д. Голохвастову, передававшему И.С. Аксакову слова министра внутренних дел, о работе над проектом знали только Игнатъев, Голохвастов и Аксаков²⁹⁸. Чуть позже в соборную затею был посвящен начальник канцелярии Н.П. Игнатъева Д.И. Воейков²⁹⁹.

В процессе работы над манифестом П.Д. Голохвастов узнал об интриге, устроенной министром внутренних дел вокруг созыва Земского собора. В письме И.С. Аксакову от 29 апреля 1882 г. жена П.Д. Голохвастова О.А. Голохвастова сообщает следующее: «муж открыл окольными путями затеянную интригу, ради того, чтобы создать кабинет за Западный образец, составленный из единомышленных, то есть покорных, министров со всесильным премьером во главе. И это одновременно с воскресаемым Земским Собором то!»³⁰⁰. Легко догадаться, что роль «всесильного премьера» Игнатъев отводил себе. В тот же день вечером Голохвастов в письме Аксакову подтвердил слова жены: «да, цель Игнатъева – премьерство. Узнал я это так: он заказал Воейкову записку о Земском соборе: что это совсем не конституция и так далее, а вывод: что перед лицом 3. Собора необходимо единомышленное министерство, а не какое теперь: кто в лес, кто по дрова»³⁰¹.

Как видим, Игнатъев вынашивал мысль одновременно с созывом Собора добиться образования «единомыслящего» правительства «с точно

²⁹⁷ Там же. С. 93-94.

²⁹⁸ Переписка П.Д. Голохвастова с И.С. Аксаковым о Земском Соборе // Русский архив. М., 1913. №1. С. 98.

²⁹⁹ Лукоянов И.В. Н.П. Игнатъев и его воспоминания // Игнатъев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000. С. 53.

³⁰⁰ Переписка П.Д. Голохвастова с И.С. Аксаковым о Земском Соборе // Русский архив. М., 1913. №1. С.104.

³⁰¹ Там же. С. 105.

определенной программой, деятельность которого и должен усилить Собор»³⁰². Во главе этого правительства, естественно, должен был стать сам Игнатъев. Таким образом, министр внутренних дел стремился осуществить ту задумку, которую не удалось исполнить в свое время М.Т. Лорис-Меликову, А.А. Абазе и Д.А. Милютину, и посредством этого еще сильнее упрочить собственное политическое влияние.

15 апреля 1882 г. Н.П. Игнатъев впервые поделился с царем своими мыслями касательно созыва Собора, предложив ему, если государь одобряет проект, объявить 6 мая 1882 г. о созыве Земского собора на коронацию в следующем, 1883 г. Александр не смог дать конкретного ответа, как он относится к этой идее, сказав лишь, что нужно подумать. Однако сам Игнатъев, судя по всему, имел надежду на то, что государь проект одобрит³⁰³. Похожая ситуация повторилась 15, 20 и 28 апреля, когда министр внутренних дел снова предпринимал попытки выяснить мнение Александра III касательно интересовавшего его предмета. Но государь по-прежнему не давал сколько-нибудь определенного ответа, пожалуй, и сам не зная, как относиться к Земскому собору³⁰⁴. Да и в целом, по словам К.А. Соловьева, для Александра III было характерно не высказывать свою позицию напрямую во время всеподданейших докладов министров. Особенно, если высказанные идеи ему не слишком импонировали³⁰⁵.

Однако, на наш взгляд, было бы правильно согласиться с В.А. Твардовской и утверждать, что во все это время надежда на одобрение Александром соборного проекта не покидала Игнатъева³⁰⁶. Не покидала она и Голохвастова, который, узнавая от министра внутренних дел различные подробности сложившейся ситуации, информировал о них Аксакова. В своем письме от 27 апреля Иван Сергеевич спрашивает у Голохвастова, точно ли

³⁰² Горинов М.М. Государственная и общественная деятельность графа Н.П. Игнатъева (1879-1908 гг.) Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2007. С. 271.

³⁰³ Игнатъев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000. С. 107.

³⁰⁴ Там же. С. 108-109.

³⁰⁵ Соловьев К.А. Хозяин земли русской? Самодержавие и бюрократия в эпоху модерна. М., 2017. 33.

³⁰⁶ Твардовская В.А. Александр III // Российские самодержцы. 1801-1917. М., 1993. С. 253.

соборный манифест будет издан 6 мая, для того, чтобы успеть к этому времени написать статью на передовую страницу в газету «Русь», где Аксаков был главным редактором. Причем Аксаков больше сомневался не насчет того, будет ли издан манифест, а больше о том, когда именно он будет издан³⁰⁷. Если учесть, что главным источником информации по вопросу о Соборе у Аксакова был Голохвастов, а у Голохвастова, в свою очередь, Игнатъев, то становится понятно, что графа как минимум до середины 20-х чисел апреля не покидала надежда на успех его предприятия.

Однако неопределенность положения, вызванная отсутствием четкой позиции императора, вынуждает Игнатъева начать поиск союзников среди высших сановников. Сначала он предпринимает попытку «разузнуть мнение» Воронцова-Дашкова через генерала Фадеева, а затем пытается заручиться поддержкой императрицы³⁰⁸.

Можно утверждать, что обращение к Воронцову-Дашкову стало крупной ошибкой Игнатъева. У него сложилось впечатление, что министр императорского двора встал на его сторону. Однако это было не так. Воронцов-Дашков вел собственную игру, и уже вскоре в письме Александру III дал негативную характеристику как самому Игнатъеву, так и его идее, что, разумеется, не способствовало утверждению государя в мысли о необходимости согласиться с проектом министра внутренних дел³⁰⁹.

3 мая Игнатъев представил Александру записку, в которой излагал итоги своего годичного пребывания в должности и снова делал акцент на необходимости осуществления соборной идеи. Государь вновь сказал, что нужно подумать, однако заметил, что на 6 мая как дату царского оповещения населения о будущем Соборе точно не стоит рассчитывать, так как к этому

³⁰⁷ Переписка П.Д. Голохвастова с И.С. Аксаковым о Земском Соборе // Русский архив. М., 1913. №1. С. 101-102.

³⁰⁸ Игнатъев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000. С. 109-110.

³⁰⁹ Лукоянов И.В. Н.П. Игнатъев и его воспоминания // Игнатъев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000. С. 55.

числу элементарно невозможно успеть совершить необходимые приготовления³¹⁰.

Н.П. Игнатъев, несомненно, чувствовал, что его план начал серьезно пробуксовывать. Наиболее очевидно это стало после того, как он узнал о приглашении императором К.П. Победоносцева в Петергоф на совещание 4 мая днем. Тогда граф решил сыграть на опережение и попросил у обер-прокурора «свидания» 4 мая утром. Однако тот, сославшись на отсутствие возможности, отказал. Тогда Игнатъеву уже ничего не оставалось, кроме как отправить к Победоносцеву 4 мая вечером Голохвастова, уже после того, как царский наставник вернулся из Петергофа, с целью попробовать перетянуть его на свою сторону³¹¹.

Однако это, скорее, был акт отчаяния. Игнатъев прекрасно понимал, что Победоносцев в связи с его неприятием любых форм народного представительства может стать главной помехой в деле осуществления его плана, о чем и говорил Голохвастову еще в начале марта³¹². К 4 мая стало ясно, что ситуация уже вышла из-под контроля Игнатъева, так как царь подключил к обсуждению вопроса о Земском соборе обер-прокурора Синода.

На наш взгляд, успеха в своей затее министр внутренних дел мог добиться только в том случае, если бы ему удалось убедить царя, с одной стороны, в несомненных преимуществах своего предложения, а с другой, в том, чтобы не придавать огласке идею о созыве Собора, что он и пытался сделать³¹³. Чем дольше Александр III продолжал находиться в состоянии сомнения, тем меньше у Игнатъева было уверенности, что тот не обратится за советом к кому-то из своего окружения, кто находился у императора в наибольшем доверии. Таких людей, судя по всему, было немного, реальным политическим весом из них обладало и того меньше: сам Игнатъев, императрица (здесь о каком-то политическом весе говорить не приходится,

³¹⁰ Игнатъев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000. С. 110-116.

³¹¹ Там же.

³¹² Там же. С. 98.

³¹³ Игнатъев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000. С. 117.

однако император все же явно прислушивался к жене), Воронцов-Дашков³¹⁴ и, конечно же, Победоносцев. Прекрасно помня на примере отставки Лорис-Меликова о степени влияния обер-прокурора Синода на государя, Игнатъев, как нам кажется, попытался перетянуть на свою сторону двух других близких к Александру III людей в надежде, что такая «коалиция» сможет противостоять Победоносцеву. Тем более, что «союз» с Воронцовым-Дашковым уже один раз себя оправдал: в столкновении с Барановым, которого поддерживал Победоносцев, Игнатъев смог все-таки взять вверх, и далеко не последнюю роль здесь сыграл тот факт, что на его сторону встал И.И. Воронцов-Дашков. Сейчас же ставка на «союз» с Воронцовым-Дашковым не сработала, хоть Игнатъев и пытался безуспешно на докладе у императора 3 мая добиться приглашения министра императорского двора на свой следующий доклад³¹⁵, считая, что Воронцов-Дашков все же на его стороне, что, однако, было не так³¹⁶. Что касается императрицы, то министр внутренних дел был с ней не слишком близок – они виделись наедине в тот раз впервые³¹⁷. Вполне логично, что и здесь намерения Игнатъева не увенчались успехом. Таким образом, к моменту вступления Победоносцева в обсуждение вопроса о Соборе Игнатъев не смог заручиться сколько-нибудь серьезной поддержкой хотя бы кого-то из двух имеющих влияние на царя людей: Воронцова-Дашкова или Марии Федоровны.

Реакция Победоносцева на полученные от Александра III известия была предсказуема: для обер-прокурора Синода «самобытный» Земский собор был столь же неприемлем, как «западнический» парламент, поскольку противоречил коренным основам его мировоззрения»³¹⁸. Вечером того же дня он писал императору о своем ужасе от знакомства с проектом Игнатъева,

³¹⁴ Дневник Е.А. Перетца (1880-1883). М.-Л., 1927. С. 95. Так, говоря о назначении Воронцова-Дашкова министром императорского двора в августе 1881 г., Перетц называет это событие вполне естественным, так как император находился с Воронцовым-Дашковым в дружественных отношениях.

³¹⁵ Там же.

³¹⁶ Лукоянов И.В. Н.П. Игнатъев и его воспоминания // Игнатъев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000. С. 55.

³¹⁷ Игнатъев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000. С. 109-110.

³¹⁸ Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010. С. 182.

уверял о неизбежности смуты в случае его принятия и радовался, что Александр изволил «остановить это дело в самом его начале»³¹⁹.

Н.П. Игнатъев, пытаясь найти поддержку у находящегося с ним в дружественных отношениях М.Н. Островским, встретился с ним 5 мая. На словах министр государственных имуществ поддержал идею о созыве «настоящего» собора, однако затем доложил об этом разговоре К.П. Победоносцеву, преследуя карьеристские цели³²⁰.

Однако Н.П. Игнатъев и после этого не отступился от идеи Земского собора. Во время доклада императору 8 мая он продолжал отстаивать необходимость его созыва. Александр впервые открыто усомнился в возможности осуществления предложения министра внутренних дел и предложил созвать совещание министров для его обсуждения. Игнатъев пытался убедить царя не прибегать к публичному обсуждению вопроса о Соборе, но безуспешно³²¹. Согласимся с И.В. Лукояновым: «После 8 мая граф уже не имел шансов на удачу»³²². Окончательно это стало ясно после его встречи с министром народного просвещения И.Д. Деляновым, который также оказался противником соборной идеи³²³.

Но Н.П. Игнатъев не отступался от своей идеи и говорил с императором о Земском соборе во время своих докладов 12 и 15 мая. Именно в это время информация о планах министра внутренних дел просочилась в печать, которые, таким образом, теперь стали известны не только узкому кругу высших сановников, но вышли и за пределы чиновной среды, что окончательно испортило Игнатъеву его замысел.

Первым в печати по данному вопросу высказался Катков, узнавший о Соборе от Феоктистова³²⁴, в то время как тот, судя по всему, был

³¹⁹ Письма Победоносцева к Александру III. М., 1926. Т. 1. С. 379-381.

³²⁰ Лукоянов И.В. Н.П. Игнатъев и его воспоминания // Игнатъев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000. С. 57.

³²¹ Игнатъев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000. С. 120-121.

³²² Лукоянов И.В. Н.П. Игнатъев и его воспоминания // Игнатъев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000. С. 58.

³²³ Игнатъев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000. С. 121.

³²⁴ Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х годов. М., 1964. С. 468.

проинформирован Островским³²⁵. Катков беспощадно клеймил идею Игнатьева, называя ее крамольной, так как недаром, по мнению главного редактора «Московских ведомостей», мысли о необходимости созыва Земского собора высказывали такие представители революционного движения, как Желябов и Нечаев³²⁶. В ответ Игнатьев «пожаловался» государю на действия Каткова и попросил разрешения применить к его газете санкции за распространение нелицеприятной информации о правительстве. Однако Александр III встал на сторону главного редактора «Московских ведомостей»³²⁷. По мнению И.В. Лукоянова, «трудно было яснее намекнуть графу о том, что ему уже пора подавать в отставку»³²⁸.

Хоть Н.П. Игнатьев, видимо, понял намек императора³²⁹, но отстаивать свою точку зрения не переставал. Он пытается склонить общественное мнение на свою сторону. Так, 14 мая в «Новом времени» (фактически подконтрольной газете Министерства внутренних дел) вышло «нечто вроде хвалебной статьи Земским Соборам»³³⁰. 15 мая вышла аксаковская «Русь», также со статьей в защиту Земских соборов³³¹. Таким образом, в прессе завязалась самая настоящая полемика по соборному вопросу.

Александр III решил, наконец, окончить «эпопею», связанную с игнатьевским проектом. Всякий раз, когда государь предлагал обсудить вопрос о Земском соборе на совещании министров, Игнатьев выступал решительно против. Как уже было продемонстрировано, в таком случае он просто не имел шансов на успех – его никто не поддерживал. Кроме того, публичное отклонение его замысла должно было подтолкнуть Игнатьева к тому, чтобы просить у императора отставки. Все это прекрасно понимал К.П.

³²⁵ Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия. М., 1978. С.

³²⁶ Там же.

³²⁷ Игнатьев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000. С. 127-128.

³²⁸ Лукоянов И.В. Н.П. Игнатьев и его воспоминания // Игнатьев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000. С. 59.

³²⁹ Игнатьев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000. С. 129.

³³⁰ Дневник графа П.А. Валуева 1877 – 1884 гг. Пг., 1919. С. 198.

³³¹ Бадалян Д.А. Полемика о Земском соборе в русской прессе начала 1880-х гг. // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусства. Т. 201. СПб., 2013. С. 31.

Победоносцев, поэтому упорно советовал Александру обсудить игнатьевскую затею на общем совещании³³².

Совещание по вопросу о Земском соборе состоялось в Петергофе 27 мая 1882 г. В нем, помимо государя, участвовали председатель Комитета министров М.Х. Рейтерн, министр народного просвещения И.Д. Делянов, министр государственных имуществ М.Н. Островский, обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев и, конечно, министр внутренних дел Н.П. Игнатьев. Причем Александр III, когда вызывал Игнатьева в Петергоф, не сообщил ему, какова причина его вызова. В связи с этим министр внутренних дел оказался абсолютно не готов к общему совещанию министров, на котором ему пришлось отстаивать свою идею³³³.

С самого начала совещания Н.П. Игнатьев оказался в роли обвиняемого, пытался оправдываться, причем получалось это у него не всегда удачно³³⁴. Среди участников совещания не оказалось никого, кто стал бы на сторону графа. Единственным исключением можно назвать позицию М.Х. Рейтерна, который, будучи плохо знакомым с сутью обсуждаемого вопроса, изначально был настроен по отношению к идее Игнатьева вполне благосклонно. Однако познакомившись с вопросом более подробно, председатель Комитета министров усмотрел в нем попытку создать «нечто вроде конституционных учреждений»³³⁵ и высказался против такого намерения. Наиболее жесткую позицию из всех участников совещания занял М.Н. Островский. Министр государственных имуществ говорил «обстоятельно, горячо»³³⁶, коснувшись вопроса о том, «что представляли собой Соборы в прежнее время, почему со времен Алексея Михайловича они не возобновлялись и почему при изменившихся условиях нашей государственной жизни и опасно, и нет никакой разумной цели восстанавливать искусственно эти отжившие

³³² Письма Победоносцева к Александру III. М., 1926. Т. 1. С. 385.

³³³ Игнатьев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000. С. 136-137.

³³⁴ Феокистов Е.М. За кулисами политики и литературы. 1848-1896. М., 1991. С. 208.

³³⁵ Там же.

³³⁶ Игнатьев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000. С. 145.

учреждения»³³⁷. Два других участника совещания, К.П. Победоносцев и И.Д. Делянов, также раскритиковали идею созыва Земского собора³³⁸.

Что касается государя, то он сказал Игнатьеву, что возбуждением вопроса о Земском соборе и той настойчивостью, с которой он отстаивал эту идею, министр внутренних дел подорвал доверие к себе Александра III, которое до этого было полным и неограниченным. Особое раздражение у Александра вызвала попытка Игнатьева использовать прессу для осуществления собственной задумки. Наконец, император заявил, что согласие на созыв Земского собора он не дает. После того, как все участники заседания, кроме Игнатьева, были отпущены, министр внутренних дел заявил, что в связи со сложившейся ситуацией он не может больше оставаться на своем посту³³⁹.

Вернувшись в Петербург, Игнатьев в скором времени написал императору письмо с прошением об отставке. Однако, едва успев его отправить, Игнатьев тут же получил записку Александра III, в которой тот уведомлял графа о его увольнении³⁴⁰.

Таким образом, именно идея созыва Земского собора стала определяющей в карьере Н.П. Игнатьева на посту министра внутренних дел. Желая повысить свое политическое влияние, граф прибегнул к этому достаточно рискованному шагу. Однако тот план действий, который был необходим министру внутренних дел для осуществления его проекта, оказался трудноосуществимым. В результате Н.П. Игнатьев утратил контроль над ходом развития событий, не смог заручиться поддержкой со стороны других сановников, что привело к отклонению государем предложения о созыве Земского собора и отставке Н.П. Игнатьева с поста министра внутренних дел.

³³⁷ Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы. 1848-1896. М., 1991. С. 209.

³³⁸ Игнатьев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000. С. 149.

³³⁹ Там же. С. 146-147, 150-151.

³⁴⁰ Там же. С. 153.

Заключение.

В конце 1870-х – начале 1880-х гг. Российская империя переживала политический кризис, связанный с активизацией революционных настроений в стране. После ряда неудачных попыток справиться с кризисом было принято решение о создании Верховной распорядительной комиссии 12 февраля 1881 г. Ее начальником был назначен генерал М.Т. Лорис-Меликов, получивший чрезвычайные полномочия для борьбы с террором. К лету террористическая деятельность пошла на спад, и император принял решение об упразднении Верховной распорядительной комиссии, а М.Т. Лорис-Меликов получил пост министра внутренних дел, причем его полномочия были даже шире, чем на предыдущей должности.

М.Т. Лорис-Меликов считал, что для борьбы с кризисом недостаточно одних полицейских методов – необходимы и политические преобразования. Он разработал проект реформ, важнейшая из которых была связана с привлечением представителей земств и городов к законосовещательной деятельности. Одна часть бюрократической среды поддержала министра внутренних дел, другая выступила против предложенной меры, в которой видели шаг к конституции. Александр II встал на сторону министра внутренних дел, однако после его гибели 1 марта 1881 г. и вступления на престол Александра III судьба проекта М.Т. Лорис-Меликова оказалась неопределенной. Именно вокруг этой реформы и развернулась на первом этапе (1 марта 1881 г. – 29 апреля 1881 г.) борьба в бюрократических «верхах».

Ключевым событием первых месяцев царствования Александра III стал Совет министров 8 марта 1881 г., который был созван специально для обсуждения проекта М.Т. Лорис-Меликова. В ходе совещания выявились сторонники предложения, которых было больше, а также его противники, среди которых, без сомнения, центральной персоной являлся обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев. На заседании стало понятно, что император относится без сочувствия к проекту министра внутренних дел. Однако по

завершении Совета министров окончательного решения о судьбе программы реформ Александр III так и не принял.

После 8 марта постепенно формируются две противоборствующие стороны в соперничестве за политическое влияние. В историографии существует мнение, что эта борьба велась между двумя «группировками» – «либеральной» и «реакционной»³⁴¹. Однако нам кажется такое утверждение не совсем точным. Про «группировку» или «партию» можно говорить только в отношении одной из соперничающих сторон – М.Т. Лорис-Меликова, Д.А. Милютин и А.А. Абазу. Их объединяли не только общие политические взгляды, но и доверительные личные отношения. Что касается второй стороны, то ее представлял всего лишь один человек – К.П. Победоносцев, что хорошо демонстрируют источники. Поэтому вряд ли стоит говорить о существовании «реакционной партии» в борьбе «верхов» в марте-апреле 1881 г.

Длительное время борьба сторон носила скрытый характер, проявлявшийся прежде всего в попытках продвинуть собственных ставленников на значительные политические посты. Активный характер она вновь обрела в середине апреля 1881 г., когда М.Т. Лорис-Меликов представил Александру III доклад, в котором повторял уже ранее выдвинутые им предложения, а также вводил новое – создание «однородного правительства», которое должно было состоять из единомышленников и, судя по всему, обладать значительным политическим весом. Таким образом, министр внутренних дел пытался взять инициативу в свои руки и навязать императору, по сути, новый влиятельный политический орган, в котором главную роль играли бы представители «либеральной партии» и в частности сам М.Т. Лорис-Меликов.

Для обсуждения доклада министра внутренних дел было созвано новое совещание сановников в Гатчине 21 апреля 1881 г. в уже более узком составе участников, но в присутствии основных действующих лиц развернувшейся

³⁴¹ Готье Ю.В. Борьба правительственных группировок и манифест 29 апреля 1881 г. // Исторические записки. М., 1938. С. 240. Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870 - 1880-х гг. М., 1964. С. 478.

борьбы. К.П. Победоносцев на этот раз не выступал резко против предложений М.Т. Лорис-Меликова, и у представителей «либеральной партии» сложилось впечатление, что победа осталась за ними. Однако иного мнения придерживался Александр III, который вечером того же дня в письме обер-прокурору Синода высказал необходимость отказаться от предложений М.Т. Лорис-Меликова. Результатом императорской воли стал подготовленный К.П. Победоносцевым и опубликованный 29 апреля 1881 г. манифест, провозглашающий незыблемость самодержавия в России. Представители «либеральной партии» восприняли выход манифеста как отказ от предложенной М.Т. Лорис-Меликову политики, в связи с чем подали в отставку. На этом первый этап борьбы в «верхах» в первые годы правления Александра III был завершен.

В чем же основные причины поражения представителей «либеральной» бюрократии? В историографии существует достаточно популярная точка зрения, что исход противостояния был решен еще 8 марта 1881 г., когда государь предельно четко дал понять, какой позиции он придерживается³⁴², а промедление с окончательным решением до конца апреля было вызвано тем, что только спустя два месяца после воцарения Александр III обрел необходимую для таких действий уверенность в себе³⁴³. На эту важную причину действительно стоит обратить внимание. Однако надо также отметить, что она была не единственной и, возможно, даже не решающей. Действительно, Александр III не питал симпатии к идеям народного представительства и конституционности. И именно их он видел в проекте М.Т. Лорис-Меликова. Министр внутренних дел старался доказать императору, что его предложения ограничиваются лишь привлечением населения к законосовещательной деятельности. Однако действия графа в марте-апреле 1881 г. не только не разубедили Александра в его точке зрения, но даже, кажется, оказали обратный эффект. Таким образом, стоит рассматривать

³⁴² Соловьев К.А. Хозяин земли русской? Самодержавие и бюрократия в эпоху модерна. М., 2017. С. 23.

³⁴³ Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870 - 1880-х гг. М., 1964. С. 367-368.

неудачные действия М.Т. Лорис-Меликова в указанный период как одну из причин поражения «либеральной партии». Еще одна причина – более близкое знакомство государя в марте-апреле 1881 г. с идеями народовольцев, которые вполне могли казаться ему близкими к предложениям М.Т. Лорис-Меликова, что, очевидно, тоже не увеличивало шансы проекта министра внутренних дел на успех. И, наконец, нельзя сбрасывать со счетов причины личного свойства, а именно хорошие отношения представителей «либеральной» бюрократии ко второй жене Александра II Е.М. Юрьевской и даже стремление М.Т. Лорис-Меликова через коронацию Юрьевской укрепить свое политическое положение. В семье нового императора, наоборот, к Е.М. Юрьевской относились крайне негативно, если не сказать враждебно, что, безусловно, могло сказаться и на личном отношении Александра III к представителям «либеральной партии».

Несмотря на сложившееся в историографии убеждение, вряд ли стоит говорить о большом влиянии К.П. Победоносцева на принятие решений новым императором в первые месяцы его царствования. Александр III не последовал совету обер-прокурора Синода еще в начале марта уволить М.Т. Лорис-Меликова. Не был К.П. Победоносцев и инициатором «разрыва» с «либеральной партией» в конце апреля 1881 г. Решение об этом принимал сам Александр, окончательно убедившись для себя в невозможности последовать программе министра внутренних дел. Обер-прокурор Синода лишь претворял уже принятое императором решение в жизнь – был, скорее, исполнителем его воли, но не инициатором смены политического курса. Другой вопрос – влияние К.П. Победоносцева на формирование взглядов Александра III. Здесь, безусловно, стоит констатировать огромную роль Победоносцева, однако это происходило задолго до 1881 г., еще в будущем Александра наследником престола. Таким образом, на наш взгляд, влияние К.П. Победоносцева на принятие важнейших политических решений в марте-апреле 1881 г. было не столь значительным, как это принято считать.

Второй этап борьбы в «верхах» приходится на май 1881 – май 1882 гг. и связан с пребыванием на посту министра внутренних дел Н.П. Игнатьева, принявшего эту должность после отставки М.Т. Лорис-Меликова. При новом министре внутренних дел правительственная борьба не закончилась. Частично лишь поменялись лица, принимавшие в ней участие.

У Н.П. Игнатьева почти сразу появилось достаточно много недоброжелателей в среде высшей бюрократии, что временами приводило к настоящим противостояниям министра внутренних дел с его оппонентами. Среди таковых в разное время выступали петербургский градоначальник Н.М. Баранов и министр императорского двора И.И. Воронцов-Дашков. Однако в обоих столкновениях Игнатьев вышел победителем, что значительно укрепило его положение. Неизменной оставалась и поддержка Н.П. Игнатьева со стороны Александра III, которую тот оказывал министру внутренних дел с самого первого дня его вступления в должность.

Однако в начале 1882 г. доверие к Игнатьеву со стороны императора оказалось поколеблено. Это было связано с публичной поддержкой графом антигерманских настроений, что в то время расходилось с официальным курсом российской власти. Стремясь восстановить свое политическое влияние, Н.П. Игнатьев приходит к мысли забрать в собственные руки подготовку к коронации, планировавшейся на весну 1882 г. Для того, чтобы подготовка коронации перешла из ведения Министерства императорского двора в ведение Министерства внутренних дел, Игнатьев решает созвать одновременно с коронацией Земский собор, в задачу которого вошло бы обсуждение местных экономических и административных реформ.

Идею министра внутренних дел полностью поддержал один из идеологов славянофильства И.С. Аксаков, направивший к Н.П. Игнатьеву для помощи в составлении проекта Собора своего соратника П.Д. Голохвастова. Работа велась в условиях секретности, так как Игнатьев прекрасно понимал, что в случае огласки его идеи или попытки принятия проекта путем открытого совещания, его затея обречена на провал.

По причине того, что император не спешил соглашаться с мыслями графа, так как сомневался в их уместности, Н.П. Игнатъев начал опасаться, что Александр III захочет посоветоваться со своим наставником – К.П. Победоносцевым, что неминуемо бы обернулось крахом соборного проекта. Поэтому министр внутренних дел пытается найти союзников, способных противостоять Победоносцеву. Такими людьми могли стать И.И. Воронцов-Дашков с императрицей Марией Федоровной, однако они не поддержали Игнатъева.

После того, как Александром III о намерениях Н.П. Игнатъева был оповещен К.П. Победоносцев, дело министра внутренних дел было фактически уже проиграно. В данной ситуации, в отличие от событий марта-апреля 1881 г., мы можем констатировать более значимую роль обер-прокурора Синода в исходе ситуации – сейчас именно его позиция должна была склонить сомневающегося императора к тому или иному решению – и она это сделала. Кроме того, ситуация еще более осложнилась в связи с тем, что информация о Соборе попала в печать, где с резкой критикой идеи министра внутренних дел выступил влиятельный консервативный журналист, главный редактор «Московских ведомостей» М.Н. Катков.

Тем не менее, Н.П. Игнатъев не отступил от соборного проекта. Он пытался найти поддержку у министра государственных имуществ М.Н. Островского и министра народного просвещения И.Д. Делянова, однако безуспешного. Вместе с тем он продолжил доказывать необходимость созыва Земского собора Александру III. Государь уже был склонен соглашаться, скорее, с Победоносцевым и Катковым, требовавшими отказа от соборной затеи. Более того, Александр почувствовал, что Н.П. Игнатъев стремится не просто его убедить, но оказать на него скрытое давление. Чтобы положить этому конец, император принял решение обсудить Собор на совещании министров – решение, от которого его всеми силами отговаривал министр внутренних дел. На созванном 27 мая в Петергофе совещании Н.П. Игнатъев потерпел полное фиаско, после чего государь объявил Игнатъеву, что он

утратил его доверие. Единственное, что оставалось Николаю Павловичу в этой ситуации - покинуть свой пост.

Таким образом, идея созыва Земского собора, задуманная Н.П. Игнатьевым с целью увеличения собственного политического влияния, обернулась для него противоположным результатом, привела к отставке с поста министра внутренних дел и обусловила дальнейший упадок его карьеры.

Проанализировав ситуацию, мы пришли к мнению о значительной самостоятельности Н.П. Игнатьева в принимаемых им решениях. Мы не можем согласиться с мнением П.А. Зайончковского о том, что кандидатура Игнатьева изначально воспринималась как временная и была специально задумана правительством для начала «завуалированного перехода к реакции». А после того, как Н.П. Игнатьев выполнил возложенные на него временные функции, то сразу был заменен на «настоящего реакционера» Д.А. Толстого³⁴⁴. Нам ближе позиция А.Ю. Полунова, который считает, что назначение Н.П. Игнатьева, сочувствующего славянофильским идеям, на должность министра внутренних дел было попыткой «мобилизовать консервативные силы общества в поддержку правительства»³⁴⁵. Разумеется, на основании этого стоит считать, что Н.П. Игнатьев вовсе не рассматривался как временная фигура в процессе окончательного перехода к «реакции».

Тем не менее, в 1881-1882 гг. Александр III отверг и «либеральные» предложения М.Т. Лорис-Меликова, и неожиданно для него возникшие «либеральные» предложения Н.П. Игнатьева. Назначение консервативно настроенного Д.А. Толстого на пост министра внутренних дел в 1882 г. действительно ознаменовало начало нового периода во внутренней политике России.

Таким образом, в борьбе «верхов» в первые годы правления Александра III проигравшими на первом этапе оказались представители «либеральной»

³⁴⁴ Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870 - 1880-х гг. М., 1964. С. 367-368. С. 472.

³⁴⁵ Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010. С. 182.

бюрократии в лице министра внутренних дел М.Т. Лорис-Меликова, военного министра Д.А. Милютина и министра финансов А.А. Абазы, на втором этапе – министр внутренних дел Н.П. Игнатьев, также в конце своего министерства неожиданно для многих обратившийся к «либеральным» идеям. Такой исход знаменовал победу консервативного направления, представленного, в первую очередь, самим императором Александром III, а также его ближайшим советником и сподвижником обер-прокурором Синода К.П. Победоносцевым. Все это оказало серьезное влияние на формирование консервативного курса в государственной политике, особенно активно развернувшегося после увольнения Н.П. Игнатьева в мае 1882 г.

Список использованных источников и литературы.

Источники:

РГИА. Ф. 866. Оп. 1, Д. 126. Письма военного министра Д. Милютина Лорис-Меликову. 15 апреля 1859 г. – 17 ноября 1877 г.

РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 29. Л. 15. Воспоминания Победоносцевой (урожд. Энгельгардт) Е.А., записанные по ее рассказам Зарудной З.С. (1848 – [1928] гг.)

Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990.

Витте С.Ю. Воспоминания. Детство. Царствования Александра II и Александра III (1849-1894). Л., 1924.

Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1879 – 1881. М., 2010.

Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1882 – 1890. М., 2010.

Дневник государственного секретаря А.А. Половцова. М., 2005.

Дневник графа П.А. Валуева 1877 – 1884 гг. Пг., 1919.

Дневник Е.А. Перетца (1880-1883). М.-Л., 1927.

Доклад М.Т. Лорис-Меликова Александру II о предполагаемых реформах государственного устройства // Конституционные проекты в России. XVIII – начало XX в. М., 2010.

Доклад М.Т. Лорис-Меликова Александру III о правительственной программе будущих реформ // Конституционные проекты в России. XVIII – начало XX в. М., 2010.

Доклад М.Т. Лорис-Меликова о привлечении представителей населения к законосовещательной деятельности // Конституционные проекты в России. XVIII – начало XX в. М., 2010.

Журнал Особого совещания, созванного для обсуждения проекта М.Т. Лорис-Меликова // Конституционные проекты в России. XVIII – начало XX в. М., 2010.

- Игнатъев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000.
- Игнатъев Н.П. Отрывок из воспоминаний. Без названия, без начала, без конца // Игнатъев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000.
- Из указа Александра II Сенату «Об учреждении в С.-Петербурге Верховной Распорядительной Комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия» // Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.) Сборник документов. М., 2001.
- Конституция графа Лорис-Меликова. Материалы для ее истории // 1 марта 1881 г. По неизданным материалам. Пг., 1918.
- К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. 1. Мн., 2003.
- Мещерский В.П. Мои воспоминания. М., 2003.
- Первые недели царствования императора Александра III. Письма К.П. Победоносцева из Петербурга в Москву к Е.Ф. Тютчевой. Русский архив. 1907. №5.
- Переписка Александра III с гр. М.Т. Лорис-Меликовым. (1880-1881 г.г.) // Красный архив. 1925. №8.
- Переписка П.Д. Голохвастова с И.С. Аксаковым о Земском Соборе // Русский архив. М., 1913. №1.
- Письма Победоносцева к Александру III. М., 1926. Т. 1.
- Письмо Исполнительного комитета к Александру III // Литература партии «Народной воли». М., 1907.
- Программа Исполнительного комитета // Народная воля. 1880. №3 // Литература партии «Народной воли». М., 1907.
- Проект правительственного сообщения, одобренный государем императором Александром II-м // Русский архив. 1916. №1.
- Проект правительственного сообщения, одобренный государем императором Александром III // Русский архив. 1916. №1.
- ПСЗРИ. Собрание 2-е. Т. 55. СПб., 1884.
- ПСЗРИ. Собрание 3-е. Т. 1. СПб., 1885.

Совет министров 8 марта 1881 года. Рассказ графа Лорис-Меликова В.А. Бильбасову // 1 марта 1881 г. По неизданным материалам. Пг., 1918.

Суд над цареубийцами. Дело 1-го марта 1881 года. СПб., 2014. Т. 1.

Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания, дневник. 1853-1882. Тула, 1990.

Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы. 1848-1896. М., 1991.

Литература:

Бадалян Д.А. Полемика о Земском соборе в русской прессе начала 1880-х гг. // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусства. Т. 201. СПб., 2013.

Барковец О.И., Крылов-Толстикевич А.И. Александр III – царь-миротворец. СПб., 2007.

Блудова Е.Ю. Мемуары Н.П. Игнатъева как исторический источник. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2007.

Борисов А.В. Министры внутренних дел России. 1802 – октябрь 1917. СПб., 2001.

Власть и реформы: от самодержавной к советской России. СПб., 1996.

Горинов М.М. Государственная и общественная деятельность графа Н.П. Игнатъева (1879-1908 гг.) Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2007.

Готье Ю.В. Борьба правительственных группировок и манифест 29 апреля 1881 г. // Исторические записки. М., 1938.

Готье Ю.В. К.П. Победоносцев и наследник Александр Александрович. 1865-1881 // Тайный правитель России: К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. 1866-1895. Статьи. Очерки. Воспоминания. М., 2001.

Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870 - 1880-х гг. М., 1964.

Итенберг В.С., Твардовская В.А. Граф М.Т. Лорис-Меликов и его современники. М., 2004.

- Лукоянов И.В. Н.П. Игнатъев и его воспоминания // Игнатъев Н.П. Земский собор. СПб.-Кишинев, 2000.
- Мясников А.Л. Александр III. М., 2016.
- Павлов Н.В. К.П. Победоносцев о народном представительстве в России // Вестник Российского университета дружбы народов. 2008. №2.
- Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010.
- Полунов А.Ю. Победоносцев. Русский Торквемада. М., 2017.
- Сафронова Ю.А. Екатерина Юрьевская. Роман в письмах. СПб., 2017.
- Сафронова Ю.А. Русское общество в зеркале революционного террора. 1879-1881 годы. М., 2014.
- Соловьев К.А. Хозяин земли русской? Самодержавие и бюрократия в эпоху модерна. М., 2017.
- Татищев С.С. Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2010.
- Твардовская В.А. Александр III // Российские самодержцы. 1801-1917. М., 1993.
- Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия. М., 1978.
- Толмачев Е.П. Александр III и его время. М., 2007.
- Томсинов В.А. Конституционный вопрос в России в 60-х – начале 80-х годов XIX века. М., 2013.
- Хевролина В.М. Николай Павлович Игнатъев. М., 2009.